

Информация для цитирования:

Соловьева Е. А. Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 632–645. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

Soloveva E. A. *Genезis ucheniya o sostave prestupleniya v pravovykh sistemakh sovremennosti* [The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 632–645. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

УДК 343.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645

Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности

Е. А. Соловьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2025

Введение: статья посвящена компаративистскому анализу учения о составе преступления. Автором предпринимается попытка объяснения дифференцированного подхода к включению теории состава преступления в национальное уголовное право различных государств. **Цель:** выявить закономерность влияния исторического пути формирования права на становление учения о составе преступления в уголовном праве. **Методы:** общенаучные методы, исторический, сравнительно-правовой и юридико-догматические методы. **Результаты:** установлено, что исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей определяют понимание состава преступления. **Выводы:** для стран континентальной правовой семьи учение о составе преступления имеет ключевое значение: состав преступления (деяния) выступает описанием в законе преступления. В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле – как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении, а также в материальном смысле – как некая модель преступления, характеризующаяся двумя элементами: *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и состав преступления в российском понимании отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана. В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, хотя имеется тенденция к реципированию правовых конструкций законодательства западных государств. В азиатских странах получили развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика (КНР) и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время КНР использует собственную системную теорию состава преступления. Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается Уголовный кодекс Республики Молдова.

Ключевые слова: состав преступления; модель преступления; элементы преступления; структура состава преступления; уголовное право

© Соловьева Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Information for citation:

Soloveva E. A. *Genезis ucheniya o sostave prestupleniya v pravovykh sistemakh sovremennosti* [The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 632–645. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

Соловьева Е. А. Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 632–645. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

UDC 343.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645

The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems

Е. А. Soloveva

Perm State University

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Received 05 Jul 2025

Introduction: the article is devoted to a comparative analysis of the doctrine of the composition of a crime¹ (elements of a crime). The author attempts to explain the differentiated approach to including the theory of the composition of a crime in the national criminal law of different states. **Purpose:** to identify how the historical trajectory of the law formation has influenced the development of this doctrine in criminal law. **Methods:** the study employed general scientific methods as well as historical, comparative legal, and legal-dogmatic methods. **Results:** the analysis has established that the historical trajectory of the law development and formation and the belonging of a state to a certain legal family condition the understanding of the composition of a crime. **Conclusions:** for the countries of the continental legal family, the doctrine in question is of key importance: the composition of a crime (of an act) is a description of this crime in the law. In the states belonging to the Anglo-Saxon system of law, the composition of a crime is used in the procedural sense – as a set of objective facts indicating the crime committed, and in the substantive sense – as a model of crime characterized by two elements: *actus reus* and *mens rea*, the signs of which can be found in codified acts and common law. When translating, legal authors equate the simplified structure of a crime and the composition of a crime in Russian understanding, although in the Anglo-Saxon theory of substantive criminal law the category of the composition of a crime is not developed. In the Muslim legal family, the composition of a crime has not acquired an independent meaning although there is a tendency to adopt the legal structures of the legislation of Western states. In Asian countries, there were further developed both the Soviet theory of the composition of a crime (in the People's Republic of China (PRC) and Mongolia) and the German doctrine of *Tatbestand* (in Japan). Currently, the PRC uses its own systematic theory of crime. The only normative act that enshrines the concept of the composition of a crime is the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Keywords: composition of a crime; model of a crime; elements of a crime; structure of a crime; criminal law

© Soloveva E. A., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ In this paper, 'composition of a crime' (Russian *sostav prestupleniya*) is understood to mean the set of all objective and subjective signs that define a socially dangerous act as a crime. *Sostav prestupleniya* is a term from Russian criminal law, and it is often translated into English as 'elements of a crime'. However, these terms are not fully identical. Therefore, for the purpose of comparative research, the author of the paper uses the translation 'composition of a crime' although it is not a recognized English-language term in criminal law.

The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems

E. A. Soloveva

Perm State University
E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Received 05 Jul 2025

Introduction: the article is devoted to a comparative analysis of the doctrine of the composition of a crime¹ (elements of a crime). The author attempts to explain the differentiated approach to including the theory of the composition of a crime in the national criminal law of different states. **Purpose:** to identify how the historical trajectory of the law formation has influenced the development of this doctrine in criminal law. **Methods:** the study employed general scientific methods as well as historical, comparative legal, and legal-dogmatic methods. **Results:** the analysis has established that the historical trajectory of the law development and formation and the belonging of a state to a certain legal family condition the understanding of the composition of a crime. **Conclusions:** for the countries of the continental legal family, the doctrine in question is of key importance: the composition of a crime (of an act) is a description of this crime in the law. In the states belonging to the Anglo-Saxon system of law, the composition of a crime is used in the procedural sense – as a set of objective facts indicating the crime committed, and in the substantive sense – as a model of crime characterized by two elements: *actus reus* and *mens rea*, the signs of which can be found in codified acts and common law. When translating, legal authors equate the simplified structure of a crime and the composition of a crime in Russian understanding, although in the Anglo-Saxon theory of substantive criminal law the category of the composition of a crime is not developed. In the Muslim legal family, the composition of a crime has not acquired an independent meaning although there is a tendency to adopt the legal structures of the legislation of Western states. In Asian countries, there were further developed both the Soviet theory of the composition of a crime (in the People's Republic of China (PRC) and Mongolia) and the German doctrine of *Tatbestand* (in Japan). Currently, the PRC uses its own systematic theory of crime. The only normative act that enshrines the concept of the composition of a crime is the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Keywords: composition of a crime; model of a crime; elements of a crime; structure of a crime; criminal law

Введение

Сравнительно-правовой анализ уголовного права зарубежных стран позволяет сопоставить российское учение о составе преступления с другими, имеющими место в той или иной правовой системе, что дает возможность выявить особенности понимания категории состава преступления в зависимости от правовой системы и обосновать значение учения о составе преступления в целом для юриспруденции, безотносительно к конкретному государству.

Перед тем как перейти к непосредственному исследованию состава преступления, отметим, что не все государства в своем уголовном праве используют

эту категорию². Уголовное право многих государств построено на анализе преступления, его структуре и признаках, его характеризующих. Однако и в этих концепциях преступление переносится на уровень теоретического познания, посредством которого структура преступления значительно упрощается, что дает возможность представить его в наиболее обобщенном виде. В таком виде преступление (как некая абстрактная, упрощенная модель), хотя и не называется прямо составом преступления, совпадает с составом преступления по российскому праву.

Представляется наиболее удачным рассмотреть данный вопрос, сгруппировав зарубежное уголовное право по правовым семьям, которые объединены одним историческим путем формирования. При этом

¹ In this paper, 'composition of a crime' (Russian *sostav prestupleniya*) is understood to mean the set of all objective and subjective signs that define a socially dangerous act as a crime. *Sostav prestupleniya* is a term from Russian criminal law, and it is often translated into English as 'elements of a crime'. However, these terms are not fully identical. Therefore, for the purpose of comparative research, the author of the paper uses the translation 'composition of a crime' although it is not a recognized English-language term in criminal law.

² Речь идет прежде всего о государствах, входящих в англосаксонскую и мусульманскую правовые семьи.

Information in Russian

Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности

Е. А. Соловьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2025

Введение: статья посвящена компаративистскому анализу учения о составе преступления. Автором предпринимается попытка объяснения дифференцированного подхода к включению теории состава преступления в национальное уголовное право различных государств. **Цель:** выявить закономерность влияния исторического пути формирования права на становление учения о составе преступления в уголовном праве. **Методы:** общенаучные методы, исторический, сравнительно-правовой и юридико-догматические методы. **Результаты:** установлено, что исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей определяют понимание состава преступления. **Выводы:** для стран континентальной правовой семьи учение о составе преступления имеет ключевое значение: состав преступления (деяния) выступает описанием в законе преступления. В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле – как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении, а также в материальном смысле – как некая модель преступления, характеризующаяся двумя элементами: *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и состав преступления в российском понимании отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана. В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, хотя имеется тенденция к реципированию правовых конструкций законодательства западных государств. В азиатских странах получили развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика (КНР) и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время КНР использует собственную системную теорию состава преступления. Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается Уголовный кодекс Республики Молдова.

Ключевые слова: состав преступления; модель преступления; элементы преступления; структура состава преступления; уголовное право

Introduction

A comparative legal analysis of the criminal law of different countries conducted by the author compares the Russian doctrine of the composition of a crime with other doctrines, these developed in countries belonging to different legal systems. Based on this analysis, the paper demonstrates how the category 'composition of a crime' is understood depending on the legal system and substantiates the importance of the doctrine of the composition of a crime for jurisprudence in general, regardless of a particular state.

Before starting investigation into the composition of a crime, it should be emphasized that not all states

use this category in their criminal law¹. Criminal legislation of many states is based on an analysis of the crime, its structure, and features (signs, characteristics, elements) that characterize it. Meanwhile, even in these concepts, the crime is transferred to the level of theoretical cognition, with the structure of the crime greatly simplified, making it possible to present it in the most generalized form. In this form, the crime (as an abstract and simplified model), although not directly called the composition of a crime, coincides with the composition of a crime as presented in Russian law.

It seems most appropriate to consider this issue while grouping criminal law of foreign countries by legal families, these united by the historical trajectory of formation.

¹ First of all, this refers to the states belonging to the Anglo-Saxon and Muslim legal families.

автор статьи не ставит перед собой цели провести полное сравнительно-правовое исследование понятия состава преступления, в связи с чем видится возможным далее проанализировать уголовное право лишь некоторых стран, которые, по нашему мнению, позволяют составить представление об отдельных особенностях данной категории в праве государств, входящих в ту или иную правовую семью.

1. Учение о составе преступления в странах романо-германского происхождения

К особенностям стран романо-германского происхождения следует отнести оформление права в виде писаных законов, которым присущи абстрактный способ изложения правового материала, наличие четких дефиниций основных юридических категорий, высокий уровень изложения правовых норм [16, с. 180]. Как следствие, вся теория права континентальной, или романо-германской, правовой семьи построена на принципе законности, а именно на возможности привлечения лица к уголовной ответственности исключительно в случае, когда такое деяние предусмотрено (запрещено) законом. Так, например, в статье 1 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия указано, что деяние может быть наказано, только если наказуемость была законодательно установлена прежде уголовным законодательством Федеративной Республики Германия¹. Всё это хорошо соотносится с юридическим позитивизмом, где право представляет собой иерархическую систему норм, а не закрепленные и не запрещенные в уголовно-правовых нормах деяния не могут признаваться преступлением. Именно по этой причине в основополагающих учениях о составе преступления, возникших на территории стран Западной Европы, состав отождествляется с нормой закона. Отсюда устоявшееся мнение о том, что в этих государствах состав преступления соотносится с признаком противоправности. Иного вывода не может быть, поскольку понятие преступления, используемое в этих государствах, является формальным, то есть связанным с запрещенностью деяния законом. Следовательно, состав преступления (как модель) априори не может закреплять или выражать общественную опасность деяния, так как и для самого преступления она не является существенным признаком. Хотя современная немецкая уголовно-правовая доктрина не отрицает материальной стороны преступления [8, с. 126].

Германия. Несмотря на то что именно немецкое учение о составе преступления было положено в основу концепции состава преступления в других

государствах, современное Уголовное уложение Федеративной Республики Германия 1871 года не использует непосредственно термин «состав преступления» (*corpus delicti*), а обходится указанием на элементы преступления (*Tatbestand*)². При этом некоторые ученые переводят текст уложения или литературу, посвященную внутренней структуре преступления, используя термин «состав преступного деяния» [7, с. 79], «состав преступления» [13, с. 10–11]³. Оговоримся, что мы не являемся специалистами-лингвистами (языковедами), поэтому лишь обратим внимание на эту особенность перевода. По нашему мнению, все же в немецком праве речь идет об элементах, признаках преступления (деяния), а не об элементах, признаках состава преступления как идеальной модели. Так, в статье А. Ролофф [22, с. 124] и в учебнике Г. Фристен используется именно термин «состав преступного деяния» [31, с. 129].

На это обращает внимание и Р. В. Кравцов: «Часто употребляемый в российской литературе перевод слова “Tatbestand” как состав преступления не является точным. В данном случае более правильно следовало бы употреблять термин “состав закона”, что не исключает, однако, перевод этого термина как “состав деяния” или “законный состав”. Термин же “состав преступления” не употребляется в германско-правовой доктрине вообще, и его употребление в российской переводной уголовно-правовой литературе можно объяснить только стремлением авторов изложить материал, используя терминологию, применяемую в российском уголовном праве» [12, с. 42].

А. Э. Жалинский достаточно подробно в свое время описал различие в понимании немецкого состава деяния и российского состава преступления [8, с. 127–170], в связи с чем позволим себе не повторяться, а лишь обратить внимание на некоторые особенности такого различия. Прежде всего это касается понятия и структуры преступления, которая выступает исходной категорией для формирования концепции состава преступления, состава преступного деяния [8, с. 113–126].

Немецкая концепция о составе преступного деяния основывается полностью на единстве объективного и субъективного, а следовательно, на проявлении в деянии неразрывно связанного объективного (внешнего проявления в мире) и субъективного (отношения лица к этому деянию), их еще именуют принципами: уголовно-правовым принципом деяния и уголовно-правовым принципом вины [31, с. 130–131]. Отметим, что в российской концепции не отрицается связь объективного и субъективного в преступном поведении лица, однако субъективные и объективные элементы поведения лица специально разделяются,

The author of the paper does not aim to conduct a complete comparative legal study on the concept of the composition of a crime. The paper deals with the criminal law of only some countries, which appears to be sufficient to form an idea of certain features of the category under study in the law of states belonging to different legal families.

1. The Doctrine of the Composition of a Crime in the Countries of the Romano-Germanic Law

The main characteristic of this legal family is that the law of these countries developed in the form of written laws characterized by an abstract way of presenting legal material, clear definitions of the main legal categories, a detailed presentation of legal norms [16, p. 180]. As a result, the whole theory of law of the continental, or Romano-Germanic, legal family is built on the principle of legality, namely on the possibility of bringing a person to criminal responsibility only in the case where the action he has committed is prohibited by law. For example, Article 1 of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany states that an act may be punished for only if the criminal law of the Federal Republic of Germany has previously established the penalty for this act¹. All this is well correlated with legal positivism, where law is presented as a hierarchical system of norms, while actions that are not mentioned in criminal law rules and not prohibited therein cannot be recognized as crimes. It is for this reason that in the fundamental doctrines on the composition of a crime that have developed in the countries of Western Europe, the composition of a crime is equated with the norm of the law. Hence the well-established opinion that in these states the composition of a crime correlates with the feature of illegality. There can be no other conclusion since the concept of crime used in these states is formal, i.e., related to the prohibition of an action by law. Consequently, it is a priori that the composition of a crime (as a model) cannot legitimize or express public danger of an action since it is not an essential feature of a crime. On the other hand, modern German doctrine of criminal law does not deny the substantive aspect of a crime [8, p. 126].

Germany. Despite the fact that it was the German doctrine of the composition of a crime that became the basis for the concept of the composition of a crime in other states, the modern Criminal Code of the Federal Republic of Germany of 1871 does not directly use the term *corpus delicti* (composition of a crime) but only

refers to the elements of a crime (*Tatbestand*)². Meanwhile, some scholars, when translating the text of the Code or literature devoted to the internal structure of a crime, use the term ‘composition of a criminal act’ [7, p. 79], ‘composition of a crime’ [13, pp. 10-11]³. It is necessary to make a remark here that this paper is not a linguistic study, so we should only note this nuance of translation without further developing this issue. As it seems to the author of this paper, what is meant in German law is the elements, features of a crime (act), and not the elements, features of the composition of a crime as an ideal model. For example, in the article by A. Roloff [22, p. 124] and in the textbook by G. Frister, the term ‘composition of a criminal act’ is used [31, p. 129].

R. V. Kravtsov also draws attention to this: ‘Often used in Russian literature, the translation of the word ‘Tatbestand’ as the composition of a crime is not accurate. In this case, it would be more correct to use the term ‘composition of the law’, which, however, does not exclude the translation of this term as the ‘composition of an act’ or the ‘legal composition’. Meanwhile, the term ‘composition of a crime’ is not used in the German legal doctrine at all, and its usage in translated Russian literature on criminal law can be explained only by the desire of the authors to present the material using the terminology that is utilized in Russian criminal law’ [12, p. 42].

A. E. Zhalinskiy described in detail the difference in the understanding of the German composition of an act and the Russian composition of a crime [8, pp. 127-170], so this paper does not dwell on this issue but only draws attention to some aspects of this difference. First of all, it concerns the concept and the structure of a crime, which is a ‘category of departure’ for the formation of the concept of the composition of a crime and composition of a criminal act [8, pp. 113-126].

The German concept of the composition of a criminal act is based entirely on the unity of the objective and the subjective, and, consequently, on the manifestation in an act of the inextricably linked objective aspect (external manifestation in the world) and subjective aspect (a person’s attitude to this action). These are also called principles: the criminal law principle of an action and the criminal law principle of guilt [31, pp. 130-131]. It should be noted that the Russian concept does not deny the connection between the objective and subjective aspects in the criminal behavior of a person; however, the subjective and objective elements of a person’s behavior are specially separated and

¹ Уголовный кодекс Германии. Официальный сайт Федерального управления Юстиции Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

² Там же.

³ Здесь необходимо отметить, что Н. Ф. Кузнецова определяла состав преступления через объективно существующую категорию, а не законодательную модель, в связи с чем в ее понимании элементы преступления и элементы состава преступления по своей сути не имели различия.

¹ Criminal Code of Germany. *Official website of the German Federal Office of Justice*. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

² Ibid.

³ It should be noted here that N. F. Kuznetsova defined the composition of a crime through an objectively existing category rather than through a legislative model, and therefore, in her understanding, the elements of a crime and the elements of the composition of a crime did not inherently differ.

вычленяются и условно отдельно обозначаются, в результате чего и появляется конструкция именно состава преступления, а не состава преступного деяния. Отличие заключается и в том, что к субъективным признакам состава преступного деяния в немецком праве не относится субъект преступления, поскольку он включен в объективные признаки состава преступного деяния, а также вина и вменяемость. В объективных признаках состава преступного деяния, кроме субъекта преступления, имеется еще объект (в российском понимании – предмет преступления), охраняемое благо (или, согласно российскому уголовному праву, объект преступления), само деяние, преступные последствия и причинно-следственная связь между ними [6, с. 258]. Признаки специального субъекта (должностного лица или лица, принявшего на себя определенные обязанности) относятся в германском учении о составе преступного деяния также к его объективной стороне [31, с. 141]. Отсюда и различие в понимании наличия или отсутствия состава преступления. Так, в случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости по российскому учению о составе преступления речь будет идти об отсутствии элемента состава преступления – субъекта, а в немецком учении – о наличии состава, но отсутствии виновности [12, с. 43]. Это в свое время отмечала Н. Ф. Кузнецова: «Состав деяния в поведении лица отнюдь не означает по УК ФРГ, что лицо должно привлекаться к уголовной ответственности и нести наказание» [14, с. 67]. Следовательно, немецкое учение о составе преступного деяния отличается и не совпадает с общепринятой российской концепцией состава преступления прежде всего по своей сущности и, как следствие, по наличию элементов, составляющих структуру состава преступления (деяния), оставляя за рамками состава вину и вменяемость.

В науке уголовного права **Франции**, как отмечает Г. А. Есаков, используется для обозначения состава преступления выражение *corps du délit* [29, с. 353]. И структурно оно представляет собой материальный элемент (деяние) и интеллектуальный элемент посягательства (внутреннее отношение лица к совершенному деянию). Субъект преступления к собственно составу преступления, согласно уголовному праву Франции, не относится, но его установление обязательно для привлечения лица к уголовной ответственности¹.

Закрепляет принцип законности и не использует термин «состав преступления» уголовное право **Польши**², хотя можно заметить, что Особенная часть УК Польши построена с выделением более опасных преступлений³ (например, ст. 148 § 2 и 3) и менее опасных⁴ (ст. 148 § 4 и ст. 149, 150). То же самое можно сказать про Австрию⁵, Данию⁶, Испанию⁷, Италию⁸, Нидерланды⁹, Норвегию¹⁰, Швецию¹¹, Швейцарию¹².

Перед тем как перейти к анализу **чешского** уголовного закона, отметим некоторые особенности образования этого государства, которые не могли не повлиять на формирование уголовного права. Государство Чехия было образовано путем разделения Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которая ранее существовала как Чехословакия. После Второй мировой войны коммунистический режим государств Восточной Европы привел к сближению экономики, политики, законодательства этих государств с СССР, в том числе появились точки соприкосновения в уголовно-правовой сфере. Здесь рождается фундаментальная работа Франтишка Полячек, посвященная составу преступления по чехословацкому уголовному праву. В основном она построена была на анализе научных трудов советских ученых и вышедших к этому времени работ А. Н. Трайнина [27, с. 362] и Л. Шуберта, затрагивающих дискуссионные вопросы состава преступления [32, с. 42–67].

dividually designated, as a result of which we have the construct of the composition of a crime, and not the construct of the composition of a criminal act. Another difference is that in German law, the subjective features of the composition of a crime do not include the committer of the crime (perpetrator), since he is included in the objective features of the composition of a criminal act, along with guilt and sanity. In addition to the perpetrator, the objective features of the composition of a crime contain an object (the subject of the crime in the Russian understanding), a protected good (the object of the crime as per Russian criminal law), the act itself, criminal consequences, and a causal relationship between them [6, p. 258]. The German doctrine of the composition of a criminal act considers the characteristics of a special perpetrator (an official or a person who has assumed certain duties) to be included into the objective aspect of a criminal act [31, p. 141]. Hence the difference in the understanding of the existence or non-existence of the composition of a crime. For example, if a person commits a socially dangerous act in a state of insanity, then, according to the Russian doctrine of the composition of a crime, the perpetrator as an element of the composition of the crime will be missing, while, according to the German doctrine, the composition of the crime will be present but guilt will be absent [12, p. 43]. This was noted by N. F. Kuznetsova: 'According to the Criminal Code of Germany, the presence of the composition of an act in the behavior of a person does not mean that this person should be prosecuted and punished under criminal law' [14, p. 67]. Consequently, the German doctrine of the composition of a criminal act differs from the concept of the composition of a crime generally accepted in Russia primarily in its essence, and consequently – in the presence of elements that constitute the structure of the composition of a crime (criminal act), leaving guilt and sanity beyond.

In the criminal law science of **France**, as G. A. Esakov notes, the *corps du délit* expression is used to denote the composition of a crime [29, pp. 353]. Structurally, it is a substantive element (act) and an intellectual element of encroachment (the internal attitude of the person toward the committed act). As per French criminal law, the committer of a crime does not belong to the composition of a crime but establishing the committer is mandatory to bring the person to criminal responsibility¹.

Criminal law of **Poland** enshrines the principle of legality and does not use the term 'composition of a crime'². Meanwhile, it can be noted that the Special Part of the Criminal Code of Poland is built with distinguishing more dangerous crimes³ (for example, Article 148 § 2 and 3) and less dangerous crimes⁴ (Article 148 § 4 and Articles 149, 150). The same can be said about Austria⁵, Denmark⁶, Spain⁷, Italy⁸, the Netherlands⁹, Norway¹⁰, Sweden¹¹, Switzerland¹².

Before proceeding to an analysis of the **Czech** criminal law, it is important to note some peculiarities of the formation of this state that could not but influence the development of criminal law. The state of Czechia was formed as a result of the dissolution of Czechoslovakia, which led to the emergence of the independent Czech and Slovak republics. After the Second World War, the communist regime of the states of Eastern Europe led to the rapprochement of the economy, politics, legislation of these states with those of the USSR, so there naturally emerged common points in the criminal law sphere. In Czechoslovakia was written the fundamental work of František Poláček devoted to the composition of a crime as per the Czechoslovak criminal law. It was mainly based on an analysis of the scientific works of Soviet scholars as well as works of A. N. Traynin [27, pp. 362] and L. Schubert [32, pp. 42–67] that touched on the debatable issues of the composition of a crime.

¹ Уголовный кодекс Франции от 2 июля 1992 г. (вступил в силу 01.03.1994) // Официальный портал правовой информации Правительств Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT00000607071; Уголовный кодекс Франции / пер. с фр. Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 65.

² Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 г. URL: [https://prawnikpозnanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA/](https://prawnikpозnanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA/).

³ По терминологии российского права – *квалифицированных* составов преступления.

⁴ По терминологии российского права – *привилегированных* составов преступления.

⁵ Уголовный кодекс Австрии от 23 янв. 1974 г. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296>.

⁶ Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / пер. с дат. С. С. Беляева и А. Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 14.

⁷ Уголовный кодекс Королевства Испания 1995 г. Официальный государственный вестник Госагентства Испании. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444&p=20201217&tn=0>.

⁸ Уголовный кодекс Италии 1930 г. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19:1398> (дата обращения: 11.07.2024); Уголовный кодекс Итальянской Республики // Официальный сайт Федеральной правовой информационной системы Итальянской Республики Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:codice.penale:1930-10-19:1398>.

⁹ Уголовный кодекс Нидерландов от 3 марта 1881 г. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2021-07-01>.

¹⁰ Уголовное законодательство Норвегии / пер. с норвеж. А. В. Жмени. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 24.

¹¹ Уголовный кодекс Швеции от 21 дек. 1962 г. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/#K1.

¹² Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de.

¹ Criminal Code of France of July 2, 1992 (effective since March 1, 1994). *The Official Portal of Legal Information of the Government of France*. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT00000607071; Criminal Code of France. Transl. from French by N. E. Krylova. St. Petersburg: Yuridicheskij Tsentr Press, 2002. P. 65.

² Criminal Code of the Republic of Poland of June 6, 1997. Available at: <https://prawnikpозnanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA/>.

³ *Qualified* compositions of a crime according to the terminology of Russian law.

⁴ *Privileged* compositions of a crime according to the terminology of Russian law.

⁵ Criminal Code of Austria of January 23, 1974. Available at: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296>.

⁶ The Danish Penal Code. Transl. from Danish by S. S. Belyaev and A. N. Rycheva. St. Petersburg: Yuridicheskij Tsentr Press, 2001. P. 14.

⁷ Criminal Code of the Kingdom of Spain of 1995. Official State Bulletin of the State Agency of Spain. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444&p=20201217&tn=0>.

⁸ Criminal Code of Italy of 1930. Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19:1398>; Criminal Code of the Italian Republic. *Official website of the Federal Legal Information System of the Italian Republic Normattiva*. Available at: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:codice.penale:1930-10-19:1398>.

⁹ Criminal Code of the Netherlands of March 3, 1881. Available at: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2021-07-01>.

¹⁰ Criminal Legislation of Norway. Transl. from Norwegian by A.V. Zhmenya. St. Petersburg: Yuridicheskij Tsentr Press, 2003. P. 24.

¹¹ Swedish Criminal Code of December 21, 1962. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/#K1.

¹² Swiss Criminal Code of 1937. Available at: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de.

Как отмечал Ф. Полячек, в чехословацкой науке уголовного права существовало два направления: 1) состав преступления является лишь одним из признаков преступления; наличие состава преступления не означает, что субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности; 2) состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности; не существует оснований уголовной ответственности вне пределов состава преступления [21, с. 23]. Именно второй вариант был более предпочтительным для Ф. Полячек. По чехословацкому уголовному праву состав преступления понимался как «совокупность признаков, в которых конкретизируется общее понятие преступления, данное в уголовном законе, и согласно которым общественно-опасное деяние определенного вида объявляется преступлением» [21, с. 62].

Думается, что этот исторический факт повлиял и на формирование теории и законодательства современной Чешской Республики. Так, Чешский уголовный закон в Особенной части построен по принципу описания преступления по степени общественной опасности¹. Хотя термин «состав преступления» в уголовном законе Чешской Республики не используется.

Важным представляется в этой группе правовой семьи упомянуть и уголовное право **Республики Болгария**, поскольку в статье 14 (1) УК этого государства содержится следующее упоминание состава преступления: «Незнание фактических обстоятельств, которые относятся к составу преступления, исключает умысел относительно этого преступления»². Представляется, что использование в уголовном законе Республики Болгария термина «состав преступления» можно объяснить восстановлением дипломатических отношений после Второй мировой войны с СССР³. Принятый в 1968 году уголовный закон, который с поправками существует и до настоящего времени, был схож в большей степени с уголовно-правовым учением СССР, нежели других стран Европы. Например, кроме сохранения термина «состав преступления» в УК Республики Болгария осталось и формально-материальное понятие преступления, которое не характерно для большинства европейских стран.

Таким образом, для государств континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления (а если правильно говорить □ о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления отождествляется с диспозицией уголовно-правовой нормы, а потому и переводится в некоторых источниках как состав закона. Структурно состав

преступного деяния содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния. Использование термина «состав преступления» в законе некоторых стран романо-германской правовой семьи объясняется наличием в период разработки кодифицированного акта, посвященного преступлению и наказанию за его совершение, дипломатических связей с СССР, который к этому времени уже разработал и активно использовал категорию состава преступления в советском уголовном праве. Кроме того, к особенностям понимания состава преступления в этих государствах можно отнести и то, что его уже не связывали с уголовно-процессуальным правом [24, с. 112–121].

2. Учение о составе преступления в праве стран англосаксонского происхождения (семья общего права)

Особенность государств, входящих в англосаксонскую правовую семью, заключается в том, что источники права определяются не столько законами, сколько судебными прецедентами. Современное общее право, существующее в странах Британского Содружества и в США, сформировалось в XIX веке, хотя предпосылки его формирования некоторые ученые относят к более раннему периоду – к концу XII века [4, с. 52].

Главная идея прецедента заключается в том, что суд, осуществляя функции законодателя, связан с уже ранее разрешенным делом по схожей ситуации (обстоятельствам), ввиду чего он обязан принять решение в духе сформированной судебной практики, с которым он может быть и не согласен. И лишь в исключительном случае, когда появляются новые отношения, не подпадающие под действие прецедентов, суд может, замотивировав свое решение, по сути, создать новый прецедент, который будет обязателен для разрешения аналогичного дела в последующем. К сожалению, количество судебных прецедентов росло в геометрической прогрессии, что приводило к загруженности суда: судьи уже не успевали отследить наличие существующего прецедента. Этот феномен Г. А. Борисов назвал «инфляцией прецедента» [4, с. 72]. Следовательно, на определенном этапе развития права в государствах, принадлежащих к англосаксонской правовой семье, наиболее значимые правовые вопросы стали разрешать путем принятия специальных законов, направленных на регламентацию определенного вопроса.

As Poláček noted, there were two trends in the Czechoslovak science of criminal law: 1) the composition of a crime is just one of the features of a crime; the presence of the composition of a crime does not mean that the person is subject to criminal liability; 2) the composition of a crime is the sole basis of criminal liability; there are no grounds for criminal liability outside the scope of the composition of a crime [21, p. 23]. Poláček himself lent toward the second option. According to Czechoslovak criminal law, the composition of a crime was understood as 'a set of features in which the general concept of a crime given in criminal law is specified and according to which a socially dangerous act of a certain type is declared a crime' [21, p. 62].

It seems that this historical fact influenced the formation of the legal theory and legislation of the modern Czech Republic. Thus, the Czech criminal law in its Special Part rests on the principle of describing a crime according to the degree of public danger¹. Nevertheless, the term 'composition of a crime' is not used in the criminal law of the Czech Republic.

In this legal family, it is important to mention the criminal law of the **Republic of Bulgaria** since Article 14(1) of the Criminal Code of this state contains the following reference to the composition of a crime: 'Ignorance of the factual circumstances that are part of the composition of a crime precludes intent in this crime'². Seemingly, the use of the term 'composition of a crime' in the criminal law of the Republic of Bulgaria can be explained by the restoration of diplomatic relations with the USSR after the Second World War³. The criminal law adopted in 1968, which still exists with amendments introduced, was more similar to the criminal law doctrine of the USSR than to that of other European countries. For example, in addition to preserving the term 'composition of a crime', the Criminal Code of the Republic of Bulgaria contains the formal-substantive concept of crime, which is not typical for most European countries.

Thus, for the states belonging to the continental legal family, which is characterized by an abstract presentation of the rules of conduct, the doctrine of the composition of a crime (speaking correctly – of the composition of a criminal act) is of key importance. Here the composition of a crime is equated with the disposition of the criminal law norm, and therefore is translated in some sources as the composition of the law. Structurally, the composition of a criminal act contains the act

itself, which is inextricably linked with the subjective attitude of the perpetrator (committer) to the action, while the object and the committer are outside the scope of the composition of the criminal act. The use of the term 'composition of a crime' in the law of some countries of the Romano-Germanic legal family is explained by diplomatic relations with the USSR (which had already developed and actively used the category of the composition of a crime in Soviet criminal law) in the period when the codes dedicated to crimes and punishments for the commission of crimes were developed. In addition, one more peculiar aspect in the understanding of the composition of a crime in these states is that it was no longer associated with criminal procedure law [24, pp. 112-121].

2. The Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in the Law of Anglo-Saxon Countries (Common Law Family)

In the law of the states belonging to the Anglo-Saxon legal family, the sources of law are determined not so much by laws as by judicial precedents. Modern common law, existing in the countries of the British Commonwealth and in the United States, was formed in the 19th century, although some scholars attribute the prerequisites for its formation to a much earlier period – the end of the 12th century [4, p. 52].

The main idea of the precedent is that the court, performing the functions of a legislator, is bound by a previously resolved case on a similar situation (circumstances), for which reason the court is obliged to make a decision in the spirit of the formed judicial practice, even when disagreeing with it. And only in an exceptional case, where the court is to deal with new relations that do not fall within precedents, the court can, with proper reasons provided for its decision, create a new precedent, which will be mandatory for resolving similar cases in the future. Unfortunately, the number of court precedents grew exponentially, this increasing the court workload: the judges did not have time to track the existing precedents. G. A. Borisov called this phenomenon 'precedential inflation' [4, page 72]. Consequently, at a certain stage in the development of law in the states belonging to the Anglo-Saxon legal family, the most significant legal issues began to be resolved by adopting special laws aimed at regulating a certain issue.

¹ Уголовный закон Чешской Республики № 40/2009 Sb. от 8 янв. 2009 г. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.

² Уголовный кодекс Республики Болгария от 1 мая 1968 г. (ред. 24.10.2017). URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/cms_nlp_bgr_criminal_code_1968.pdf.

³ С 1946 по 1990 год на территории современной Республики Болгария существовала Народная Республика Болгария, которая разделяла взгляды на устройство государства, его политический режим, а также право с СССР.

¹ Criminal Law of the Czech Republic No. 40/2009 Sb. of January 8, 2009. Available at: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>

² Criminal Code of the Republic of Bulgaria of May 1, 1968 (as of October 24, 2017). Available at: https://www.cms.int/sites/default/files/document/cms_nlp_bgr_criminal_code_1968.pdf

³ From 1946 to 1990, the People's Republic of Bulgaria existed on the territory of the modern Republic of Bulgaria, which shared views on the structure of the state, its political regime, and law with the USSR.

Конечно же, публично-правовые вопросы были положены в основу первых кодифицированных актов [23, с. 97-101]. При этом, как справедливо отмечает А. А. Малиновский, «если в статуте обнаруживается пробел, то он восполняется, как правило, не изменениями и дополнениями к уже существующему статуту, а принятием нового статута» [16, с. 182]. Так, например, в Великобритании можно встретить Закон «О краже» 1968 года¹, Закон «О мошенничестве» 2006 года² или Закон о неправомерном использовании компьютерных технологий, принятый в 1990 году³, которыми устанавливается уголовная ответственность за ряд преступлений. При этом США, Австралия, Новая Зеландия всё же имеют кодифицированные акты: титул 18 Свода законов США⁴, Уголовный кодекс Австралии⁵, Закон о преступлениях 1961⁶. Следовательно, для права государств, входящих в англосаксонскую правовую семью, традиционно в большей степени характерен казуальный способ закрепления уголовно-правового запрета, хотя всё чаще наблюдается использование абстрактных конструкций.

При конструировании уголовно-правовой нормы в странах англосаксонского происхождения не используется состав преступления, несмотря на то что понятие “elements of crime” ему известно. При переводе допускаются неточности в отождествлении элементов состава преступления и элементов преступления. И это замечание является важным, когда мы разделяем понятие преступления (как реального явления) и состава преступления (как его информационной модели). Например, Е. Ю. Полянский указывает, что структура состава преступления в **уголовном праве США** является двухэлементной, то есть для установления состава преступления необходимо обнаружить преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение к нему (*mens rea*) [20, с. 1991]. Также автор отмечает, что в американском праве «состав преступления является центральным основанием уголовной ответственности, однако, в отличие от постсоветского права, не абсолютным» [20, с. 1992]. *Actus reus* и *mens rea* составляют структуру преступления и для уголовного права других англосаксонских государств [35, с. 38–82].

Г. А. Есаков более точно переводит эти термины, указывая, что *actus reus* (запрещенное поведение в самом широком, общем смысле последнего слова) и *mens rea* (сопутствующий таковому поведению психический настрой) – элементы преступления

[29, с. 361–362]. Так же описывает их и А. Г. Кибальник [10, с. 36–37]. И только поскольку эти категории, характеризуя преступление, анализируются на теоретическом уровне познания, не как элементы структуры реального преступления, а всё же в упрощенном виде применительно к большому множеству преступлений, то их условно можно сравнить с элементами информационной модели преступления (то, из чего оно состоит и чем характеризуется).

В странах англосаксонской правовой семьи при квалификации действий лица идет установление тождества деяния не с составом преступления, как идеальной законодательной моделью определенного вида преступления, а именно с запретительной уголовно-правовой нормой, описывающей деяние, причиняющее вред обществу. Так, А. А. Малиновский в одной из своих работ приводит пример американского прецедента о конституционности сожжения американского флага в знак политического протеста, где суд устанавливает в действиях обвиняемого тождество не с моделью преступления, закрепленного в законе, а именно с конкретным запретом на поведение [16, с. 184]. Ученый описывает этот процесс следующим образом: «Для правильной юридической квалификации судья обращается к законодательной норме, регламентирующей конкретное общественное отношение и решение спорной ситуации. В целях уяснения общего смысла нормы конкретного статута судья изучает руководящий (ведущий) прецедент, в котором содержится норма-дефиниция или норма-толкование существенных законодательных признаков анализируемого деяния либо норма-правило оценки фактических обстоятельств дела. Затем для выяснения юридических тонкостей, скрытых в расплывчатых формулировках, судья использует многочисленные уточняющие прецеденты, непосредственно относящиеся к анализируемому случаю» [16, с. 185].

Следовательно, признаки, характеризующие преступление определенного вида, здесь могут быть рассредоточены не только по некодифицированным актам, но и по прецедентам.

Наличие судебного прецедента как источника права повлияло и на восприятие понятия состава преступления как факта совершенного преступления. Так, в юридическом словаре Генри К. Блэка состав преступления отождествляется с телом преступления, материальной субстанцией, на которую направлено преступление (например, тело убитого человека) [34,

Of course, public-law issues became the basis for the first codified acts [23, pp. 97-101]. At the same time, as A. A. Malinovskiy was right to note, ‘if a gap is found in a statute, it is usually filled not by changes and additions to the existing statute, but by the adoption of a new statute’ [16, p. 182]. For example, in the UK one can find the Theft Act of 1968¹, the Fraud Act of 2006², or the Computer Misuse Act adopted in 1990³, all establishing criminal liability for certain crimes. At the same time, the United States, Australia, and New Zealand have codified acts: Title 18 of the United States Code⁴, the Australian Criminal Code Act⁵ and the Crimes Act of 1961⁶, respectively. Consequently, the causal method of enshrining criminal law prohibitions is traditionally more characteristic of the law of the states that are part of the Anglo-Saxon legal family, although abstract constructions are now used more and more often.

The composition of a crime is not used in constructing the criminal law norms in the Anglo-Saxon countries, although the concept of the ‘elements of a crime’ is well-known in these states. As a result of inaccuracies in translation, the elements of the composition of a crime are identified with elements of a crime. This remark is especially important when we differentiate between the concept of a crime (as a real phenomenon) and the concept of the composition of a crime (as its information model). For example, E. Yu. Polyansky points out that in the **U.S. criminal law**, the structure of the composition of a crime consists of two elements, which means that for establishing the composition of a crime, it is necessary to establish the criminal act (*actus reus*) and the culpable attitude toward it (*mens rea*) [20, p. 1991]. The author also notes that in American law the composition of a crime is the main basis for criminal responsibility, but, unlike that in the post-Soviet law, this basis is not absolute’ [20, 1992]. *Actus reus* and *mens rea* also constitute the structure of a crime in the criminal law of other Anglo-Saxon states [35, pp. 38-82].

G. A. Esakov translates these terms more accurately, pointing out that *actus reus* (prohibited behavior in the broadest, general sense of the word) and *mens rea* (concomitant mental attitude, state) are elements of

a crime [29, pp. 361-362]. A. G. Kibalnik describes them similarly [10, pp. 36-37]. And only since these categories characterizing the crime are analyzed at the theoretical level of cognition not as elements of the structure of a real crime, but in a simplified form in relation to a large number of crimes, they can be conditionally compared with elements of the information model of a crime (what a crime consists of and what it is characterized by).

In the countries of the Anglo-Saxon legal family, in qualifying the actions of a person, his action is checked against not the components of a crime as an ideal legislative model of a certain type of crime, but against the prohibitive criminal law norm describing an act that causes harm to society. In one of his works, A. A. Malinovskiy gives an example of an American precedent concerning the constitutionality of burning the American flag as a political protest, where the court established the identity of the actions of the accused not with the model of the crime enshrined in the law, but with a certain prohibition on behavior [16, p. 184]. The scholar describes this process as follows: ‘For proper legal qualification, a judge refers to a legislative norm regulating a particular social attitude and the resolution of the disputed situation. In order to understand the general meaning of the norm of a particular statute, the judge studies the guiding (leading) precedent that contains the definition or interpretation of the essential legislative features of the analyzed act or the rule for assessing the factual circumstances of the case. Then, in order to clarify the legal subtleties hidden in vague formulations, the judge uses numerous clarifying precedents directly relevant to the case under analysis’ [16, p. 185].

Consequently, the features characterizing a crime of a certain type can be ‘scattered’ over not only uncoded acts but also precedents.

The existence of a judicial precedent as a source of law also influenced the perception of the concept of the composition of a crime as a fact of a committed crime. For example, in the law dictionary of Henry C. Black, the corpus delicti (composition of a crime) is identified as the body of a crime, the material substance at which the crime has been aimed (e.g., the corpse of a murdered man) [34,

¹Theft Act 1968 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60>.

²Fraud Act 2006 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>.

³Computer Misuse Act // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>.

⁴Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter11&edition=prelim>.

⁵Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁶Crimes act 1961 New Zealand // Официальный сайт министерства юстиции Новой Зеландии. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>.

¹Theft Act 1968. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60>

²Fraud Act 2006. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>

³Computer Misuse Act. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>

⁴Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter11&edition=prelim>

⁵Criminal Code Act 1995. *Official website of the Government of Australia*. Available at: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>

⁶Crimes Act 1961, New Zealand. *Official website of the New Zealand Ministry of Justice*. Available at: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>

с. 413]. Фактически состав преступления здесь понимается в процессуальном значении как совокупность доказательств, позволяющих говорить о совершенном преступлении [39, с. 119–128], которую суд обязан установить¹. Логично при этом, что ни субъект, ни его вина не входят в элементы состава преступления.

Кроме того, в англосаксонских государствах говорят и о принципе состава преступления: невозможно доказать вину косвенными доказательствами, в том числе признанием вины обвиняемым, если не будет достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении преступления². Иными словами, никто не должен быть осужден за преступление без достаточных доказательств того, что преступление имело место в действительности. Правило возникло отчасти для того, чтобы помешать государству наказывать лиц за преступление исключительно на основании их признаний, которые во многих случаях были ложными и совершенными под принуждением. Для каждого государства и штата установлены различные требования к количеству подтверждающих совершение преступления доказательств: некоторые штаты требуют (требовали), чтобы состав преступления был доказан полностью отдельно от заявлений обвиняемого, в других, например в Калифорнии, допускается рассмотрение заявлений наряду с некоторыми подтверждающими доказательствами, а если заявления были даны во время совершения преступления, то подтверждающие доказательства могут вообще не потребоваться³.

Традиционно в американском уголовном праве все преступления в своей структуре имеют три элемента: преступное деяние (*actus reus*), преступное намерение (*mens rea*) и совпадение этих двух элементов [33, с. 128]. При этом термин состав преступления (*corpus delicti*) упоминается все же в процессуальном значении [38, с. 2477]. Так, в учебнике по американскому уголовному праву говорится о том, что преступление можно разделить на элементы, которые обвинение должно доказать вне всякого сомнения. Эти элементы могут быть описаны как в уголовном законодательстве, так и в уголовных делах в штатах, где допускается применение общего права. Таким образом, правы Р. Р. Галиакбаров,

А. В. Шульга и А. В. Сокол, отмечая, что «англосаксонская уголовная теория, используя термин “состав преступления” (*corpus delicti*), так и не сформировала систематизированного, доктринального уголовно-правового учения о составе преступления» [5, с. 42].

Кроме стран, непосредственно относящихся к англосаксонской правовой семье, есть еще и ряд государств, которым досталось в «наследство» общее право, поскольку исторически они были связаны с англосаксонским правом. Речь идет о странах, являющихся бывшими колониями Великобритании, – некоторые современные страны Африки, Канада, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Сингапур. Освобождаясь от влияния Великобритании, эти государства частично оставили общее право, однако позаимствовали и часть из континентальной правовой семьи. Например, Австралия⁴, Индия⁵ и Канада⁶ имеют кодифицированные нормативно-правовые акты, которыми устанавливается уголовная ответственность за преступления, однако упоминания о составе преступления в этих нормативно-правовых актах не содержится. Состав преступления в странах, относящихся к бывшим колониям Великобритании, используется в процессуальном смысле [37, с. 134].

Отметим и особенности **израильского уголовного права** в понимании категории состава преступления⁷. Как указывает И. В. Никитенко, «уголовное законодательство государства Израиль представляет собой лишь частично кодифицированный свод уголовно-правовых норм, многие из которых, если проводить аналогию с уголовным законодательством России, являются бланкетными. <...> При этом уголовное право Израиля допускает установление признаков противоправности и наказуемости деяния на подзаконном уровне, но с некоторыми ограничениями относительно видов и пределов (размеров) допустимых наказаний. Кроме того, вместе с законодательными и подзаконными актами источниками уголовно-правовых норм может стать и судебный прецедент» [18, с. 24]. Исходя из положений статей 18, 19 Закона об уголовном праве Израиля, можно сделать вывод, что здесь законодатель, по сути, определяет преступление через фактически совершенное деяние и отношение к этому деянию. В некоторых переводах этих статей можно встретить термин «состав

р. 413]. In essence, the composition of a crime is understood here in the procedural sense as an array of evidence suggesting the committed crime [39, pp. 119–128], which the court is obliged to establish¹. Logically, neither the committer nor his guilt are included in the elements of the composition of a crime.

In addition, there is also the principle of the composition of a crime in the Anglo-Saxon states: it is impossible to prove guilt on the basis of circumstantial evidence, including a confession of guilt by the accused, unless there is sufficient evidence indicating the commission of the crime². In other words, no one should be convicted of a crime without sufficient evidence that the crime has actually occurred. To a certain degree, the rule was adopted in order to prevent the state from punishing individuals for crimes solely on the basis of their confessions, which in many cases were false or coerced. The amount of evidence necessary to confirm the commission of a crime is different for each country and state: some states require (or required) that the composition of a crime be proved completely separately from the statements of the accused; other states, such as California, allow the examination of the statements along with some supporting evidence, and if the statements were made at the time of commission of the crime, then supporting evidence may not be required at all³.

Traditionally, all crimes in American criminal law have three elements in their structure: criminal act/action (*actus reus*), criminal intent (*mens rea*), and the coincidence of these two elements [33, p. 128]. At the same time, the term *corpus delicti* (composition of a crime) is mentioned in the procedural sense [38, p. 2477]. For example, it is written in a textbook on American criminal law that a crime can be divided into elements that the prosecution must prove beyond any doubt. These elements can be described in both criminal law and in criminal cases in the states where common law is permitted. Thus, R. R. Galiakbarov, A. V. Shulga,

and A. V. Sokol are right saying that ‘the Anglo-Saxon criminal theory, though using the term *corpus delicti* (composition of a crime), has not formed a systematized academic criminal-law doctrine of the composition of a crime’ [5, с. 42].

Apart from the countries directly belonging to the Anglo-Saxon legal family, there are also a number of states that ‘inherited’ common law due to their being historically associated with the Anglo-Saxon law. These are former colonies of Great Britain: some modern countries of Africa, Canada, Australia, India, New Zealand, Singapore. Disengaging from the influence of Great Britain, these states partially retained common law, but also borrowed part of the law of the continental legal family. For example, codified legal acts of Australia⁴, India⁵, and Canada⁶ establish criminal liability for committing crimes, but do not mention the composition of a crime. In the countries being former colonies of Great Britain, the composition of a crime is used in the procedural sense [37, p. 134].

The approach of **Israeli criminal law** in the understanding of the category of the composition of a crime also deserves attention⁷. As I. V. Nikitenko points out, ‘the criminal legislation of the state of Israel is only a partially codified array of criminal legal norms, many of which, if we draw an analogy with the criminal legislation of Russia, are blanket. <...> At the same time, Israeli criminal law allows establishing the features of the unlawfulness and punishability of an act at the level of by-laws, but with some restrictions concerning the types and limits (sizes) of permissible punishments. In addition, a judicial precedent may become a source of criminal law norms along with laws and by-laws’ [18, p. 24]. Based on the provisions of Articles 18 and 19 of the Criminal Law of Israel, it can be concluded that here the legislator technically defines a crime through an actually committed action and the attitude to this action. In some translations of these articles, the term ‘composition of a crime’ can be

¹ См., например: Апелляционное определение Первого окружного суда Калифорнии от 9 марта 1971 г. URL: <https://case-law.vlex.com/vid/paul-t-in-re-893879672>.

² Christopher William Patton. Flowers on a Court Opinion: How the Trail of My Great-Grandmother’s Murderer Changed Me, My Family, and the Law. URL: <https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-journal/popular/how-trial-my-great-grandmothers-murderer-changed-me-my-family-law/>; Corpus Delicti: Legal Concept Explained. URL: <https://getlegalbud-dies.com/blog/corpus-delicti-legal-concept-explained/>.

³ Legal information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/corpus_delicti#:~:text=Corpus%20delicti%20is%20a%20common,that%20the%20crime%20actually%20occurred.

⁴ Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁵ The Bharatiya Nyaya Sanyita 2023. URL: www.mha.gov.in; The Indian Penal Code 1860 (утратил силу). URL: <https://iddashboard.legislative.gov.in/sites/default/files/A1860-45.pdf>.

⁶ Criminal Code of Canada (R.S.C. 1985, с. C-46, as amended) // Justice Laws Website. Online source of the consolidated Acts and regulations of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf>.

⁷ Израиль имеет нетипичную правовую систему с чертами англосаксонской и романо-германской правовых семей.

¹ See, for example: Appellate Ruling of the First District Court of California of March 9, 1971. Available at: <https://case-law.vlex.com/vid/paul-t-in-re-893879672>

² Patton Ch. W. Flowers on a Court Opinion: How the Trail of My Great-Grandmother’s Murderer Changed Me, My Family, and the Law. Available at: <https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-journal/popular/how-trial-my-great-grandmothers-murderer-changed-me-my-family-law/>; Corpus Delicti: Legal Concept Explained. Available at: <https://getlegalbud-dies.com/blog/corpus-delicti-legal-concept-explained/>

³ Legal Information Institute. Cornell Law School. Available at: https://www.law.cornell.edu/wex/corpus_delicti#:~:text=Corpus%20delicti%20is%20a%20common,that%20the%20crime%20actually%20occurred

⁴ Criminal Code Act 1995. Official website of the Government of Australia. Available at: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>

⁵ The Bharatiya Nyaya Sanyita 2023. Available at: www.mha.gov.in; The Indian Penal Code 1860 (lost effect). Available at: <https://iddashboard.legislative.gov.in/sites/default/files/A1860-45.pdf>

⁶ Criminal Code of Canada (R.S.C. 1985, с. C-46, as amended). Justice Laws Website. Online source of the Consolidated Acts and Regulations of Canada. Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf>

⁷ Israel has an atypical legal system with the features of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families.

преступления», как некой модели преступления. Так, например, М. Дорфман, толкуя положения статьи 18 Закона об уголовном праве Израиля 1977 года, пишет: «Под “признаком” преступления понимается деяние, входящее в состав преступления, а также обстоятельство или последствие, которое причинено посредством деяния, когда они являются частью состава преступления»¹.

Отметим и тот факт, что законодатель Израиля закрепил виды составов преступлений по их конструкции в статье 34 Закона об уголовном праве Израиля, в которой указано, что лицо, которое доводит себя до состояния опьянения для последующего совершения преступления с формальным составом, осуществляет деяние с преступным замыслом, а в случае совершения преступления с материальным составом – с преступным намерением.

Таким образом, в странах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле принято говорить о преступлении, характеризующемся двумя элементами □ *actus reus* и *mens rea*, признаки которого могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве.

3. Учение о составе преступления в праве стран, относящихся к семье мусульманского права

Особенность права мусульманских государств заключается в том, что его источник – религиозные нормы, объединенные в священные тексты (Коран, Сунна), Иджма и Кияс, а также действующее законодательство. Условно можно разделить все страны, входящие в эту правовую семью, следующим образом: 1) государства, не имеющие уголовных законов, в силу чего они непосредственным образом руководствуются священными писаниями и мусульманско-правовой доктриной (Саудовская Аравия) [25, с. 95]; 2) государства, которые создавались под влиянием континентального законодательства, в связи с чем они имеют лишь отдельные черты мусульманского права (Марокко, Сирия, Ливан, Иордания); 3) страны, в которых уголовные законы построены на нормах шариата (Иран, Ирак, Пакистан, Ливия, Катар, Республика Йемен, Судан). А. А. Малиновский верно отмечает, что в этом случае «коранические нормы практически без изменений в силу конституционных предписаний закрепляются в законах и кодексах» [16, с. 188]. Проиллюстрировать это можно на примере убийства. «А кто убьет верующего умышленно,

тому возмездие – Ад, в котором остается навечно. Аллах гневается на него, проклинает его и приготовит ему великое наказание» (Сура «Ан-Ниса», аят 93) [9, с. 120]. В УК Ирана в статье 304 указано: «Преднамеренное убийство взрослого человека наказывается возмездием»². Аналогичным образом перенесено это положение и в Уголовный кодекс ОАЭ, в статье 332.1 которого закреплено: «Тот, кто умышленно убьет другого человека, наказывается пожизненным тюремным заключением»³. Аналогичная норма содержится в статье 300 УК Пакистана⁴.

Исходя из анализа уголовного законодательства государств, относящихся к мусульманской правовой семье, можно сделать вывод, что состав преступления не используется как при построении уголовного закона, так и при его толковании. Например, А. А. Аль-Баити отмечает, что в уголовном законодательстве Судана нет ни общего определения вины, ни определения ее форм [1, с. 85]. К такому же выводу приходит и Г. А. Есаков [29, с. 372]. Отсутствие единой, четко выраженной и логически завершенной правовой системы и отдельных базовых категорий для уголовного права отмечают и другие исследователи [2, с. 18].

Представляется, что в странах мусульманских государств тоже имеется тенденция к отказу от казуального способа описания преступления (преступления определенного вида) и, наоборот, к использованию абстрактных конструкций. Как справедливо отмечает Н. М. Коркунов: «Казуальная форма неудобна, так как ведет к чрезмерному ограничению числа отдельных норм и вместе делает невозможным достигнуть полноты юридических определений. При казуистическом характере норм каждый частный случай требует для себя особой юридической нормы. Ввиду же бесконечного разнообразия возможных случаев столкновения интересов, казуистические нормы, каково бы то ни было их число, никогда не могут объять всех встречающихся в жизни случаев» [11, с. 188].

Поэтому с конца прошлого века имеется тенденция к кодификации уголовного права в мусульманских правовых семьях. При этом за основу берется строение уголовных кодексов государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, которые используют абстрактный способ изложения норм, теории преступления, состава преступления или состава преступного деяния. Таким образом, казуальные нормы сменяются более абстрактными, что позволяет прогнозировать возможность использования современной теории состава преступления и в странах, принадлежащих к мусульманской правовой семье.

¹ Закон об уголовном праве Израиля (ред. 01.09.2022 г.): постатейный перевод с иврита на русский язык / пер. М. Дорфмана. Хайфа, 2010. С. 23.

² Уголовный кодекс Ирана. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:La2zrSY0hx4J:https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845048&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³ Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов 1987 г. URL: <https://arabruloflaw.org/files/legaldatabase/Laws/UAE/Doc02.pdf>.

⁴ Уголовный кодекс Пакистана 1860 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/legislation/details/8573>.

found as illustrating a crime model. For example, M. Dorfman, interpreting the provisions of Article 18 of the Criminal Law of Israel of 1977, writes: ‘A ‘feature’ of a crime is understood as an action that is part of the crime as well as a circumstance or consequence that has been caused by the action where they are part of the composition of a crime’¹.

Note the fact that Article 34 of the Criminal Law of Israel provides the types of the composition of a crime according to their constructions: it is stated in this article that a person who brings himself to a state of intoxication for the subsequent commission of a crime with a formal composition (formally defined crime) commits this action with a criminal plan, and in the case of committing a crime with a substantive composition (materially defined crime) – with a criminal intent.

Thus, in the countries belonging to the Anglo-Saxon system of law, the concept of the composition of a crime is used in the procedural sense, meaning a set of objective facts testifying to the crime committed. In the substantive sense, it is common to speak of a crime characterized by two elements – *actus reus* and *mens rea*, the features of which can be contained in both codified acts and common law.

3. The Doctrine of the Composition of a Crime in the Law of Countries Belonging to the Family of Muslim Law

The source of law in Muslim states are religious norms provided in sacred texts (Quran, Sunnah), as well as Ijma, Qiyas, and the legislation currently in force. All the countries that are part of this legal family can be divided into: 1) states that do not have criminal laws and thus directly refer to the scriptures and Muslim legal doctrine (Saudi Arabia) [25, p. 95]; 2) states that were created under the influence of continental legislation and therefore have only certain features of Muslim law (Morocco, Syria, Lebanon, Jordan); 3) countries where criminal laws are based on Sharia law (Iran, Iraq, Pakistan, Libya, Qatar, the Republic of Yemen, Sudan). A. A. Malinovskiy was right to note that in this case ‘due to constitutional precepts, Quranic norms are fixed in laws and codes practically unchanged’ [16, p. 188]. This can be illustrated by the example of murder. ‘And whoever kills a believer intentionally, his retaliation is Hell in which he remains forever. Allah is angry with him, curses

him, and prepares a great punishment for him’ (Sura An-Nisa, ayat 93) [9, p. 120]. Article 304 of Iran’s Criminal Code states: ‘The deliberate killing of an adult is punishable by retaliation’². This provision is also transferred to the UAE Criminal Code. Article 1332 of this code states: ‘Anyone who intentionally kills another person shall be punished with life imprisonment’³. A similar provision is contained in Article 300 of the Criminal Code of Pakistan⁴.

Based on the analysis of the criminal legislation of the states belonging to the Muslim legal family, it can be concluded that the concept of the composition of a crime is used neither in the construction nor in the interpretation of the criminal law. For example, A. A. Al-Baiti notes that there is neither a general definition of guilt nor a definition of its forms in Sudanese criminal law [1, p. 85]. G. A. Esakov comes to the same conclusion [29, p. 372]. The absence of a single, clearly expressed, and logically complete legal system and of single basic categories of criminal law is also noted by other researchers [2, p. 18].

Seemingly, Muslim countries also have a tendency to abandon the casual way of describing a crime (crime of a certain type) and an opposite tendency toward the use of abstract constructions. As N. M. Korkunov was right to note, ‘The casual form is inconvenient since it leads to an excessive limitation of the number of individual norms and makes it impossible to achieve the completeness of legal definitions. With the casuistic nature of the norms, each particular case requires a specific legal norm. In view of the infinite variety of possible conflicts of interest, casuistic norms, whatever their number, can never embrace all the cases encountered in life’ [11, p. 188].

This explains the tendency, existing since the end of the last century, toward codification of criminal law in the countries belonging to the Muslim legal family. As a basis for the codification they take the construction of criminal codes in states belonging to the continental legal family, which use an abstract way of presenting the norms, the theory of crime, the composition of a crime or of a criminal act. Thus, casual norms are replaced by more abstract ones, this allowing us to predict the likelihood of using the modern theory of the composition of a crime in the countries belonging to the Muslim legal family.

¹ Criminal Law of Israel (as of January 9, 2022). Article-by-article translation from Hebrew into Russian. Translated by M. Dorfman. Haifa, 2010. P. 23.

² Criminal Code of Iran. Available at: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:La2zrSY0hx4J:https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845048&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

³ Criminal Code of the United Arab Emirates, 1987. Available at: <https://arabruloflaw.org/files/legaldatabase/Laws/UAE/Doc02.pdf>

⁴ Pakistan Penal Code of 1860. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/legislation/details/8573>

4. Учение о составе преступления в праве азиатских стран

Право в азиатских странах не имеет общих черт, поскольку исторически становление того или иного государства в азиатской части мира проходило под влиянием других ведущих держав, в связи с чем уголовное право Японии отличается от уголовного права Китайской Народной Республики, потому что первое заимствовало положения из права Германии, а второе – из права СССР.

Считается, что КНР позаимствовала базовые положения теории уголовного права из правовой системы СССР, хотя после ухудшения российско-китайских отношений правовая система КНР стала развиваться по самостоятельному пути [15, с. 131]. Таким образом, в КНР появилось две теории о составе преступления: традиционная и системная [30, с. 252]. Согласно традиционному учению состав преступления – это установленная китайским уголовным законом совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих определенное конкретное деяние (у которого имеется общественная опасность и выраженная степень этой опасности) как преступное [30, с. 253]. В системной теории состав преступления понимался как «органическое целое предусмотренных уголовным законом необходимых для признания тем или иным преступлением всех признаков, характеризующих общественную опасность» [30, с. 266]. Особенность последней теории заключается в том, что состав преступления имеет не четырех-, а трехзвенную структуру, при этом субъективная сторона включена в одно преступное поведение [30, с. 281].

Сам же УК Китайской Народной Республики не использует категорию состава преступления. Однако Особенная часть Уголовного кодекса КНР строится путем закрепления не только основных, квалифицированных и привилегированных составов преступления, но и – по моменту окончания преступления – формальных, материальных, усеченных составов.

Следовательно, на сегодняшний день в Китае сформировалось самостоятельное учение о составе преступления, отличное как от традиционной российской, так и немецкой концепции.

Япония заимствовала свою теорию уголовного права из Германии [30, с. 245]. Н. А. Морозов отмечает: «В результате уже к началу XX в. японское уголовное право представляло собой довольно редкий в мировой практике симбиоз систем континентального и общего права» [17, с. 272]. В уголовное законодательство Японии входит не только Уголовный кодекс 1907 года, но и иные уголовно-правовые нормы¹. При этом термин «состав преступления» не используется в них.

На содержание современного уголовного права Монголии повлиял исторический период связи Монгольской Народной Республики (далее – МНР) и СССР. Несмотря на то что МНР никогда не была в составе последнего, из-за развития идей социализма в этот период основные законы, в том числе УК МНР, были по своему содержанию схожи с законами СССР. Именно по этой причине в современном уголовном праве Монголии учение о составе преступления занимает одно из основных мест, а Уголовный кодекс Монголии 2015 года в ч. 2 ст. 2.2, ч. 3 ст. 2.7, ч. 4 ст. 2.8, ч. 2 ст. 3.2, ч. 1 ст. 4.1 и др. содержит термин «состав преступления»².

5. Учение о составе преступления в праве бывших стран СНГ

Особенность уголовного права, в том числе законодательства бывших стран СНГ, заключается в том, что страны, впоследствии ставшие советскими социалистическими республиками, с начала XX века, а некоторые и с XIX века (например, Азербайджанская Республика), имели общие исторические корни. Следовательно, у данных государств либо были одни законы, либо они имели общее сходство, в связи с чем теория состава преступления развивалась совместными усилиями ученых социалистических государств. Соответственно, теория состава преступления, как и в российском законодательстве, получила свое отражение и в уголовных кодексах множества бывших стран СНГ.

К государствам, изначально закрепившим положения о составе преступления в уголовном законе после распада СССР, можно отнести Азербайджанскую Республику³, Республику Узбекистан⁴, Республику Казахстан⁵, Республику Таджикистан⁶, Украину⁷, Республику Армению⁸ и др.

¹ Уголовный кодекс Японии 1907 года. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

² Уголовный кодекс Монголии 2015 года. URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Mongolia-Criminal-Code.pdf>.

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2023). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=659;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B2%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420353%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=3.

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. URL: https://track.unodc.org/uploads/documents/BRI-legal-resources/Uzbekistan/3_-_RUS.pdf.

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. (ред. от 20.06.2024) // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1988. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf>.

⁷ Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.

⁸ Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апр. 2003 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm197602.pdf>.

4. The Doctrine of the Composition of a Crime in the Law of Asian Countries

Law of Asian countries has no common features since historically the formation of states in the Asian part of the world occurred under the influence of other leading powers. Consequently, the criminal law of Japan differs from the criminal law of the People's Republic of China (PRC) since the former borrowed provisions from the law of Germany, while the latter – from the USSR.

It is believed that the PRC borrowed the basic provisions of the criminal law theory from the legal system of the USSR, although the legal system of the PRC began to develop independently after the deterioration of the Russian-Chinese relations [15, p. 131]. Thus, China has developed two theories concerning the composition of a crime: a traditional theory and a systemic theory [30, p. 252]. According to the traditional doctrine, the composition of a crime is a set of objective and subjective features established by Chinese criminal law and characterizing a certain specific act (this, in turn, characterized by public danger and a significant degree of this danger) as criminal [30, p. 266]. In the systemic doctrine, the composition of a crime is understood as 'an organic whole of all the features characterizing public danger that are provided for by the criminal law and necessary for the recognition of a crime' [30, p. 266]. The second theory is special in that the composition of a crime is not a four-tier structure but a three-tier structure, with the subjective side included in the criminal behavior [30, p. 281].

The Criminal Code of the People's Republic of China does not use the category of the composition of a crime. Meanwhile, the Special Part of the Criminal Code of the PRC establishes not only the basic, qualified, and privileged compositions of a crime but also – according to the moment of the completion of a crime – formal, substantive, inchoate compositions.

Thus, China has formed an independent doctrine of the composition of a crime that is different from both the traditional Russian concept and the German concept.

Japan borrowed its theory of criminal law from Germany [30, p. 245]. As N. A. Morozov notes: 'As a result, by the beginning of the 20th century, Japanese criminal law was a symbiosis of the systems of continental and common law, quite rare in the world practice' [17, p. 272]. The criminal law of Japan includes not only the Criminal Code of 1907 but also other criminal legal norms¹. The term 'composition of a crime' is not used there.

The modern criminal law of Mongolia was influenced by the historical period of communication of the Mongolian People's Republic (hereinafter – the MPR) and the USSR. Despite the fact that the MPR was never part of the USSR, due to the development of the socialism ideas in that period of time, the basic laws, including the MPR Criminal Code, were similar in content to the laws of the USSR. For this reason, the doctrine of the composition of a crime holds an important place in the modern criminal law of Mongolia, and the Criminal Code of Mongolia of 2015 contains the term 'composition of a crime' in Part 2 of Article 2.2, Part 3 of Article 2.7, Part 4 of Article 2.8, Part 2 of Article 3.2, Part 1 of Article 4.1, etc.²

5. The Doctrine of the Composition of a Crime in the Law of the Former CIS Countries

Criminal law and legislation of the former CIS countries were largely determined by the historical factor: from the beginning of the 20th century, and in some cases – from the early 19th century (for example, the Republic of Azerbaijan), the countries that subsequently became Soviet socialist republics had common historical roots. Consequently, these states had either the same or similar laws, and so the theory of the composition of a crime was developed by joint efforts of scholars from socialist states. Therefore, as is the case with Russian legislation, this theory found reflection in the criminal codes of many former CIS countries.

The states that enshrined the provisions on the composition of a crime in the criminal law right after the collapse of the USSR include the Republic of Azerbaijan³, the Republic of Uzbekistan⁴, the Republic of Kazakhstan⁵, the Republic of Tajikistan⁶, Ukraine⁷, the Republic of Armenia⁸, and others.

¹ Criminal Code of Japan of 1907. Available at: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>

² Criminal Code of Mongolia of 2015. Available at: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Mongolia-Criminal-Code.pdf>

³ Criminal Code of the Republic of Azerbaijan No. 787-IQ of December 30, 1999 (as amended and supplemented on December 30, 2023). Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=659;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B2%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420353%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=3

⁴ Criminal Code of the Republic of Uzbekistan of September 22, 1994. Available at: https://track.unodc.org/uploads/documents/BRI-legal-resources/Uzbekistan/3_-_RUS.pdf

⁵ Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014 (as of June 20, 2024). *Official website of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

⁶ Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 21, 1988. Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf>

⁷ Criminal Code of Ukraine No. 2341-III of April 5, 2001. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109

⁸ Criminal Code of the Republic of Armenia of April 18, 2003. Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm197602.pdf>

В частности, в статье 3 УК Азербайджанской Республики (далее – УК АР) указано, что основанием уголовной ответственности является «совершение деяния (действия или бездействия), содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного только настоящим Кодексом». Также статья 27.1 УК АР закрепляет, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии (действию или бездействию) содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Упоминание есть и в статьях 30.3, 74-1.1, примечаниях к статьям 144, 199, 214–214-1, 214-3, 215, 228, 229, 274, 283-1, 318 УК АР. Здесь также выделяются основные (ст. 120.1 УК Азербайджана), привилегированные (ст. 121 УК Азербайджана) и квалифицированные (ст. 120. 2 УК Азербайджана) составы преступления.

Статья 4 УК Республики Казахстан признает единственным основанием уголовной ответственности совершение уголовного правонарушения, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления либо уголовного проступка, предусмотренного УК Республики Казахстан. Упоминание о составе преступления есть в статье 25, части 2 статьи 26, примечаниях к статьям 125, 175, 182, 217–218-1, 236, 255, 258, 260–262, 266, 267, 287, 288, 405 Уголовного закона Республики Казахстан. Каких-либо особенностей в понимании состава преступления казахскими учеными, отличными от российской концепции состава преступления, нет [28, с. 96–103].

В новом УК Кыргызской Республики от 28.10.2021¹ в статье 3 также используется термин «состав преступления»: «Юридическая определенность означает возможность точного установления настоящим Кодексом основания для привлечения к уголовной ответственности за преступление, а также всех признаков состава преступления». Этот же термин содержится в статьях 22, 23, 33, 38, 72 УК Кыргызской Республики.

В статье 1 Латвийский уголовный закон функционирует термин «состав преступления»: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступного деяния, то есть с умыслом (умышленно) или по неосторожности совершившего преступление предусмотренное настоящим законом деяние, имеющее все признаки состава преступного деяния»². Дублируется этот термин и в статьях 6, 26, 28 УК Латвии. Отметим также, что в УК Латвии есть и привилегированные составы преступления (ст. 121 УК Латвии – убийство при превышении пределов необходимой обороны), и квалифицированные (ст. 117 – убийство при отягчающих обстоятельствах, ч. 2 и ч. 3 ст. 177 УК Латвии).

В свою очередь в части 2 статьи 2 УК Литовской Республики установлено, что «ответственности по уголовному закону подлежит только лицо, совершившее деяние, которое соответствует составу преступления или уголовного проступка, предусмотренному уголовным законом»³. При этом понятие состава преступления не раскрывается. В УК Литвы также можно выделить основные, квалифицированные (ч. 2, 3, 4 ст. 132 УК Литовской Республики) и привилегированные составы преступлений (ст. 131 УК Литовской Республики).

Представляется, что историческая обусловленность вхождения этих государств в состав СССР наложила отпечаток на использование «состава преступления» в уголовном законе. Литва в 1990 году «унаследовала» советское уголовное законодательство, в том числе включенные в уголовный закон положения о составе преступления. Несмотря на то что в годы после выхода Литвы из состава СССР произошла активная имплементация норм западного зарубежья (в течение 10 лет осуществлялась разработка нового УК Республики Литвы, на который в основном повлияло уголовное право Германии и Польши, конвенции Совета Европы [36, с. 50]), всё же теория состава преступления не стала чуждой уголовному праву Литовской Республики. На страницах исследований литовских ученых в области уголовного права именно состав преступления, а не преступление подвергается анализу [36, с. 45]. При этом нужно отметить, что состав преступления отождествляется с информационной законодательной моделью определенного преступления [36, с. 302].

Особо необходимо упомянуть УК Республики Молдова, поскольку это единственный нормативно-правовой акт, закрепивший в статье 52 легальное понятие состава преступления как «совокупности установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление. Состав преступления является юридическим основанием для квалификации преступления в соответствии с конкретной статьей настоящего кодекса»⁴. В статье 25 УК Республики Молдова указано, что преступление признается оконченным, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления. Таким образом, законодатель Республики Молдова выделяет реальное основание ответственности – совершение вредных деяний, и юридическое основание – признаки состава преступления, предусмотренные законом. Думается, что советская теория состава преступления наиболее полно была отражена в УК Республики Молдова.

Не закрепляет легального определения состава преступления и УК Республики Беларусь⁵, однако

For example, Article 3 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (hereinafter referred to as the RA CC) states that the basis for criminal liability is the 'commission of an action (act or failure to act) containing all the features of the composition of a crime prescribed exclusively by this Code'. Article 27.1 of the RA CC stipulates that a crime is recognized as completed if the action (act or failure to act) committed by a person contains all the features of the composition of a crime under this Code. There are also references to the composition of a crime in Articles 30.3, 74-1.1, in notes to Articles 144, 199, 214 - 214-1, 214-3, 215, 228, 229, 274, 283-1, 318 of the RA CC. The Code also distinguishes the basic composition of a crime (Article 120.1 of the RA CC), the privileged composition of a (Article 121 of the RA CC), and the qualified composition of a crime (Article 120.2 of the RA CC).

The only basis of criminal liability recognized by Article 4 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is the commission of a criminal offense, that is, an action containing all the features of the composition of a crime or of a criminal offense provided for by the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The composition of a crime is mentioned in Article 25, Part 2 of Article 26, notes to Articles 125, 175, 182, 217-218-1, 236, 255, 258, 260-262, 266, 267, 287, 288, 405 of the Criminal Law of the Republic of Kazakhstan. There are no peculiarities in the understanding of the composition of a crime by Kazakh scholars that would make it different from the Russian concept of the composition of a crime [28, pp. 96-103].

Article 3 of the new Criminal Code of the Kyrgyz Republic (October 28, 2021) also uses the term 'composition of a crime': 'Legal certainty means the possibility of precisely establishing by this Code of the grounds for criminal prosecution for a crime, as well as all features of the composition of a crime'¹. The same term is contained in Articles 22, 23, 33, 38, 72 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic.

The term 'composition of a crime' is used in Article 1 of the Latvian Criminal Law: 'Only a person guilty of committing a criminal act shall be brought to criminal liability and subjected to punishment, that is, a person who, with an intent (deliberately) or through negligence, committed an act having all the features of the composition of the criminal act defined by this Law'². This term is duplicated in Articles 6, 26, 28 of the Criminal Code of Latvia. It should also be noted that the Criminal Code of Latvia establishes privileged compositions of a crime (Article 121 of the Criminal Code of Latvia – homicide committed in excess of justifiable defense) and qualified compositions of a crime (Article 117 – homicide under aggravating circumstances, Parts 2 and 3 of Article 177 of the Criminal Code of Latvia).

In turn, Part 2 of Article 2 of the Criminal Code of the Republic of Lithuania stipulates that 'only a person who has committed an action that corresponds to the composition of a crime or of a criminal offense prescribed by the criminal law shall be liable under the criminal law'³. Meanwhile, the concept of the composition of a crime itself is not defined. In the Criminal Code of Lithuania, it is also possible to distinguish basic, qualified (Parts 2, 3, 4 of Article 132 of the Criminal Code of the Republic of Lithuania) and privileged compositions of a crime (Article 131 of the Criminal Code of the Republic of Lithuania).

Seemingly, the fact of these states being part of the USSR influenced the use of the 'composition of a crime' concept in their criminal law. In 1990, Lithuania 'inherited' Soviet criminal legislation, including the provisions on the composition of a crime. The years after the secession of Lithuania from the USSR were characterized by an active implementation of the norms of the Western countries: it took 10 years to develop a new criminal code of the Republic of Lithuania, which was mainly influenced by the criminal law of Germany and Poland, the conventions of the Council of Europe [36, p. 50]. Despite this fact, the theory of the composition of a crime did not become 'alien' to the criminal law of the Republic of Lithuania. It is namely the composition of a crime, and not the crime itself, that is analyzed on the pages of research works by Lithuanian scholars in the field of criminal law [Ibid, p. 45]. It should also be noted that the composition of a crime is equated with the information legislative model of a specific crime [Ibid, p. 302].

It is especially important to mention the Criminal Code of the Republic of Moldova since it is the only normative legal act that enshrines (in Article 52) the legal concept of the composition of a crime as 'a set of objective and subjective features established by the criminal law that qualify a harmful act as a specific crime. The composition of a crime is the legal basis for qualifying a crime under a particular article of the Code'⁴. Article 25 of the Criminal Code of the Republic of Moldova states that a crime shall be deemed completed if the committed action contains all the features of the composition of a crime. Thus, the legislator of the Republic of Moldova differentiates between a real basis of responsibility – the commission of harmful acts, and a legal basis for responsibility – the features of the composition of a crime provided for by law. Seemingly, the Soviet theory of composition of a crime was best reflected in the Criminal Code of the Republic of Moldova.

The Criminal Code of the Republic of Belarus⁵ does not provide a legal definition of the composition of a crime,

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 127 (в ред. от 14.03.2025) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. URL: <https://mvd.gov.kg/rus.ministry/normative-bases/22>.

² Уголовный кодекс Латвийский Республики от 17 июня 1988 г. URL: <https://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf>.

³ Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сент. 2000 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>.

⁴ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

¹ Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021 (as of March 14, 2025). *Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic*. Available at: <https://mvd.gov.kg/rus.ministry/normative-bases/22>

² Criminal Code of the Republic of Latvia of June 17, 1988. Available at: <https://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf>

³ Criminal Code of the Republic of Lithuania of September 26, 2000. Available at: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>

⁴ Criminal Code of the Republic of Moldova of April 18, 2002 (as of June 6, 2024). Available at: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835

⁵ Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z of July 9, 1999. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>

в уголовно-правовой литературе используется традиционное для нас понимание состава преступления как совокупности юридически значимых объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3, с. 77].

Другие государства, входившие в СССР, в уголовном законе термин «состав преступления» не закрепили. Например, уголовное законодательство Грузии не использует категорию «состав преступления», это обусловлено прежде всего тем, что при принятии современного Уголовного кодекса Грузии были заимствованы основные идеи германского учения о преступлении [26, с. 89], поскольку в 90-е годы российско-грузинские отношения были напряженными, а Грузия стремилась найти точки соприкосновения с европейскими странами. В результате в статье 7 УК Грузии было утверждено положение, закрепляющее, что «основанием уголовной ответственности является преступление, т. е. предусмотренное настоящим Кодексом противоправное и виновное деяние»¹. В теории уголовного права Грузии речь идет не о составе преступления, а, как и в романо-германских странах, о составе деяния [26, с. 89].

Как справедливо отмечают Ю. А. Никифоров и В. Л. Шаповалов, после распада СССР ведущие державы были заинтересованы в усилении своего влияния на территории бывшего Советского Союза [19, с. 65–66]. Из-за этого некоторые бывшие страны СНГ в 2000-е годы изменили политический курс с «пророссийского» на «прозападный», вследствие чего произошел ряд существенных пересмотров основополагающих законов этих стран, которые совершенно иначе стали относиться к теории состава преступления. Так, например, в новом УК Армянской Республики, принятом 5 мая 2021 г.², было пересмотрено основание уголовной ответственности: если в законе от 2003 года в статье 3 УК Армянской Республики основанием уголовной ответственности считалось деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, то по ныне действующему УК в статье 14 – совершение оконченного или неоконченного преступления.

Выводы

Исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей определяют и понимание состава преступления. Так, для стран континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления

(а если говорить дословно – о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления (деяния) рассматривается как важнейшая составляющая уголовно-правовой нормы. В праве большинства этих государств состав преступного деяния структурно содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния.

В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле преступление характеризуется двумя элементами – *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и в общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и понимаемый в контексте российского законодательства состав преступления отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана.

В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, при этом имеется тенденция к реципированию правовых конструкций права западных государств.

В азиатских странах получили свое развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время, основываясь на системном методе, КНР использует собственную системную теорию состава преступления, которая отличается не только понятием, но и количеством элементов, входящих в его структуру.

Огромное влияние учение о составе преступления оказало на страны, входившие в СССР. Некоторые государства закрепили состав преступления в уголовном законе: Республика Молдова, Казахстан, Узбекистан, Азербайджанская Республика. Другие, хотя в уголовном законе такую категорию и не отражают, активно ею пользуются при правоприменении: Республика Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь и др. Однако есть и те, кто полностью отказался от советской теории состава преступления (Грузия).

Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается УК Республики Молдова, где в статье 52 указано, что состав преступления – «совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление»³.

but the criminal law literature uses the traditional understanding of the composition of a crime as a set of legally significant objective and subjective features characterizing a socially dangerous action as a crime [3, p. 77].

Criminal laws of other states that were part of the former USSR do not use the term 'composition of a crime'. For example, the criminal legislation of Georgia does not use this category, which is primarily conditioned by the fact that when adopting the modern criminal code, Georgia borrowed the main ideas from the German doctrine [26, p. 89], since in the 1990s Russian-Georgian relations were tense, and Georgia sought to find points of contact with European countries. As a result, Article 7 of the Criminal Code of Georgia stipulates that 'the basis of criminal liability is a crime, i.e., an unlawful and guilty act provided for by this Code'¹. The criminal law theory of Georgia refers not to the composition of a crime but, like Romano-Germanic countries, to the composition of an act [26, p. 89].

As Yu. A. Nikiforov and V. L. Shapovalov were right to note, after the collapse of the USSR, the leading powers were interested in strengthening their influence on the territory of the former Soviet Union [19, pp. 65-66]. For this reason, in 2000 some of the former CIS countries changed their political course from 'pro-Russian' to 'pro-Western', and consequently, there took place a number of significant revisions of the fundamental laws of these countries, which completely changed their attitude to the theory of the composition of a crime. For example, in the new Criminal Code of the Armenian Republic adopted on May 5, 2021², the basis of criminal liability was revised: Article 3 of the Criminal Code of the Armenian Republic of 2003 viewed the basis for the criminal liability in an act containing all the features of the composition of a crime provided for by the criminal law, while Article 14 of the current Criminal Code views the basis for the criminal liability in the commission of a completed or non-completed crime.

Conclusion

The historical trajectory of the formation and development of law development, the belonging of a state to a certain legal family condition the understanding of the composition of a crime. For the countries of the continental legal family, which is characterized by an abstract way of presenting the rules of behavior, the doctrine of the composition of a crime (literally – of the

composition of a criminal act) is of key importance. Here the composition of a crime (act) is regarded as an essential component of the criminal law norm. In the law of most of these states, the composition of a criminal act structurally contains the act itself, which is inextricably linked with the subjective attitude of the person to the action, while the object and the committer (perpetrator) are outside the scope of the composition of the criminal act.

In the states belonging to the Anglo-Saxon system of law, the composition of a crime is used in the procedural sense, as a set of objective facts indicating the crime committed. In the substantive sense, a crime is characterized by two elements: *actus reus* and *mens rea*, the features of which can be found both in codified acts and in common law. While translating, the authors equate the simplified structure of a crime and the composition of a crime understood in the context of Russian legislation, although in the Anglo-Saxon theory of substantive criminal law the category of the composition of a crime is not developed.

In the Muslim legal family, the concept of the composition of a crime has not acquired an independent meaning, although there is a tendency to adopt legal constructs from the law of Western states

In Asian countries, both the Soviet theory of the composition of a crime (in the People's Republic of China and Mongolia) and the German doctrine (in Japan) were developed. Relying on the systematic method, the PRC uses its own systematic theory of the composition of a crime, which differs not only in the concept but also in the number of elements included in its structure.

The doctrine of the composition of a crime had a huge influence on the countries that were part of the USSR. Some of the states have enshrined the concept of the composition of a crime in their criminal law: the Republic of Moldova, Kazakhstan, Uzbekistan, the Republic of Azerbaijan. Others, although not reflecting this category in the criminal law, actively use it in law enforcement: the Republic of Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus, etc. There are also those completely abandoning the Soviet theory of the composition of a crime (Georgia).

The only normative act that has enshrined the concept of the composition of a crime is the Criminal Code of the Republic of Moldova, where Article 52 states that the composition of a crime is 'a set of objective and subjective features established by criminal law that qualify a harmful act as a specific crime'³.

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=261>; Уголовный кодекс Грузии / пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 87.

² Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/204754>.

³ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

Библиографический список

1. Аль-Баити М. А. А. Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому праву // Исламоведение. 2012. № 2 (12). С. 83–90.
2. Аль-Баити М. А. А. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 175 с.
3. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
4. Борисов Г. А. Доктринальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 219 с.
5. Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 37–44.
6. Головин А. Ю., Бугаевская Н. В. Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 257–264. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).257–264.
7. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.
8. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. 560 с.
9. Калям Шариф. Перевод смыслов. Казань: Хузур – Спокойствие, 2020. 652 с.
10. Кибальник А. Преступное деяние в доктрине уголовного права и судебной практике Англии // Уголовное право. 2006. № 2. С. 36–40.
11. Кorkunov N. M. Лекции по общей теории права. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 520 с.
12. Кравцов Р. В. Преступное деяние в уголовном праве России, ФРГ, Нидерландов: сравнительный аспект // Сибирский юридический вестник. 2007. № 3 (38). С. 38–45.
13. Кузнецова Н. Ф. Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики. М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1957. 44 с.
14. Кузнецова Н. Ф., Хуэйлинь Ц. Теория о составе преступления в Китае и России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 62–74.
15. Лун Ч. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 129–135.
16. Малиновский А. А. Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 179–190.
17. Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: Проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 430 с.
18. Никитенко И. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве Израиля // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3 (60). С. 22–29.
19. Никифоров Ю. А., Шаповалов В. Л. Россия и современный мир: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2018. 124 с.
20. Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex Russica. 2013. Т. 95, № 11. С. 1991–1204.
21. Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. 318 с.
22. Роллоф А. «Похищение человека» (§ 234 УУ ФРГ) и «угон человека» (§ 234а УУ ФРГ) // Союз криминологов и криминологов. 2020. № 1. С. 123–127.
23. Сизова В. Н. Эволюция системы уголовного законодательства Англии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 96–103.
24. Соловьева Е. А. Историческая смена научных парадигм и состав преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 112–121. DOI: doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121.
25. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение / Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения. ИГП РАН, Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. М., 2007. С. 80–106.
26. Тодрия Г. Г. Некоторые логические проблемы системы уголовного права Грузии // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (серия «Юридические науки»). 2016. № 1 (6). С. 89–94.
27. Трайнин А. И. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1957. 362 с.
28. Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева. М.: Городец, 2022. 528 с.
29. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.
30. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. Сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2009. 549 с.
31. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфортопик Медиа, 2013. 712 с.
32. Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1960. 238 с.

References

1. Al-Baiti M. A. A. *Nekotorye aspekty sub'ektivnoy storony sostava prestupleniya po musul'manskomu ugovnomu pravu* [Some Aspects of the Subjective Side of the Corpus Delicti under Muslim Criminal Law]. *Islamovedenie* □ Islamic Studies. 2012. Issue 2 (12). Pp. 83–90. (In Russ.).
2. Al-Baiti M. A. A. *Vina v strukture sub'ektivnoy storony prestupleniya po ugovnomu pravu Respubliki Yemen: problemy i ikh reshenie* [Guilt in the Structure of the Subjective Side of a Crime Under Criminal Law of the Republic of Yemen: Problems and Their Solutions: Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 175 p. (In Russ.).
3. Babiy N. A. *Ugovnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part] Minsk, 2010. 663 p. (In Russ.).
4. Borisov G. A. *Doktrinal'nye podkhody k obespecheniyu edinoobraziya sudebnoy praktiki v stranakh obshchego prava i v Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Doctrinal Approaches to Ensuring Uniformity of Judicial Practice in Common Law Countries and in Russia: A Comparative Legal Study: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 219 p. (In Russ.).
5. Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V. *Istoriya vznikeniya i stanovleniya ucheniya o sostave prestupleniya v zarubezhnom ugovnom prave* [History of Evolution of the Doctrine of the Component Elements of a Crime in Criminal Law in Foreign Countries]. *Obshchestvo i pravo* □ Society and Law. 2019. Issue 3 (69). Pp. 37–44. (In Russ.).
6. Golovin A. Yu., Bugaevskaya N. V. *Strukturnye elementy sostava prestupleniya i ikh znachenie dlya kvalifikatsii i preduprezhdeniya prestupleniy korruptsionnoy napravlenosti* [Structural Elements of the Corpus Delicti and Their Significance for the Qualification and Prevention of Corruption Crimes]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* □ Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. Issue 2. Pp. 257–264. DOI:10.17150/1996-7756.2015.9(2).257-264. (In Russ.).
7. Golovnenkov P. V. *Ugovnoe ulozhenie Federativnoy respubliki Germaniya – Strafgesetzbuch (StGB)* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB)]: scientific and practical commentary and translation of the text of law. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 p. (In Russ.).
8. Zhalinskiy A. E. *Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, 2006. 560 p. (In Russ.).
9. Kalyam Sharif. *Perevod smyslov* [Kalyam Sharif. Translation of Meanings]. Kazan, 2020. 652 p. (In Russ.).
10. Kibal'nik A. *Prestupnoe deyanie v doktrine ugovnogo prava i sudebnoy praktike Anglii* [Criminal Act in the Doctrine of Criminal Law and Juridical Practice of England]. *Ugovnoe pravo* □ Criminal Law. 2006. Issue 2. Pp. 36–40. (In Russ.).
11. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow, 2010. 520 p. (In Russ.).
12. Kravtsov R. V. *Prestupnoe deyanie v ugovnom prave Rossii, FRG, Niderlandov: sravnitel'nyy aspekt* [A Criminal Act in Criminal Law of Russia, Germany, the Netherlands: Comparative Aspect]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik* □ Siberian Law Herald. 2007. Issue 3 (38). Pp. 38–45. (In Russ.).
13. Kuznetsova N. F. *Voprosy obshchey chasti ugovnogo prava Germanskoy Demokratichekskoy Respubliki* [General Criminal Law Issues of the German Democratic Republic]. Moscow, 1957. 44 p. (In Russ.).
14. Kuznetsova N. F., Hueilin Ts. *Teoriya o sostave prestupleniya v Kitae i Rossii* [Theory of Corpus Delicti in China and Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* □ Moscow University Bulletin. Series 11. Law. 2009. Issue 6. Pp. 62–74. (In Russ.).
15. Loon C. *Sostav prestupleniya v ugovno-pravovoy doktrine Kitaya* [Elements of a Crime in the Criminal Law Doctrine of China]. *Lex Russica*. 2016. Issue 9 (118). Pp. 129–135. (In Russ.).
16. Malinovskiy A. A. *Yuridicheskaya tekhnika v zarubezhnykh pravovykh sem'yakh (vzglyad komparativista)* [Legal Technique in Foreign Legal Families (A Comparative View)]. *Yuridicheskaya tekhnika* □ Juridical Techniques. 2016. Issue 10. Pp. 179–190. (In Russ.).
17. Morozov N. A. *Prestupnost' v sovremennoy Yaponii: Problemy kriminologicheskoy i ugovno-pravovoy politiki* [Crime in Contemporary Japan: Breakdowns in Criminological and Criminal Law Policy: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 430 p. (In Russ.).
18. Nikitenko I. V. *Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti v ugovnom zakonodatel'stve Izrailya* [Crimes against Sexual Integrity and Sexual Freedom of the Individual in the Criminal Legislation of Israel]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* □ Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Issue 3 (60). Pp. 22–29. (In Russ.).
19. Nikiforov Yu. A., Shapovalov V. L. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World]. Moscow, 2018. 124 p. (In Russ.).
20. Polyanskiy E. Yu. *Teoriya sostava prestupleniya v ugovnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki* [The Theory of Corpus Delicti in Criminal Law of the USA: Key Positions and Main Shortcomings]. *Lex Russica*. 2013. Vol. 95. Issue 11. Pp. 1991–1204. (In Russ.).
21. Poláček F. *Sostav prestupleniya po chekhoslovatskomu ugovnomu pravu* [The Elements of a Crime under Czechoslovak Criminal Law]. Moscow, 1960. 318 p. (In Russ.).
22. Roloff A. *«Pokhishchenie cheloveka» (§ 234 UU FRG) i «ugon cheloveka» (§ 234a UU FRG)* [Crimes against Personal Liberty (§ 234 and § 234a StGB)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* □ Union of Criminalists and Criminologists. 2020. Issue 1. Pp. 123–127. (In Russ.).
23. Sizova V. N. *Evolutsiya sistemy ugovnogo zakonodatel'stva Anglii* [Evolution of the Criminal Law

33. Crime Law. Open University of Hong Kong. 2012. 538 p. URL: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>.

34. *Black H. C. Blacks's Law Dictionary*. West Publishing Company. 1968. 1882 p.

35. *Herring J. Criminal Law*. Third edition. Palgrave Macmillan. 2002. 485 p.

36. *Legal Developments During 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer, 2021. 315 p. DOI: doi.org/10.1007/978-3-030-54783-7.

37. *Rwelamira M. R. Murder Without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence* // *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. № 2. Pp. 132–139.

38. *Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime*. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. 8604 p.

39. *Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti* // *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. № 1. Pp. 118–130.

References

1. Al-Baiti M. A. A. *Nekotorye aspekty sub"ektivnoy storony sostava prestupleniya po musul'manskomu ugovnomu pravu* [Some Aspects of the Subjective Side of the Corpus Delicti under Muslim Criminal Law]. *Islamovedenie* □ *Islamic Studies*. 2012. Issue 2 (12). Pp. 83–90. (In Russ.).

2. Al-Baiti M. A. A. *Vina v strukture sub"ektivnoy storony prestupleniya po ugovnomu pravu Respubliki Yemen: problemy i ikh reshenie* [Guilt in the Structure of the Subjective Side of a Crime Under Criminal Law of the Republic of Yemen: Problems and Their Solutions: Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 175 p. (In Russ.).

3. Babiy N. A. *Ugovnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part] Minsk, 2010. 663 p. (In Russ.).

4. Borisov G. A. *Doktrinal'nye podkhody k obshcheyu edinoobraziyu sudebnoy praktiki v stranakh obshchego prava i v Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Doctrinal Approaches to Ensuring Uniformity of Judicial Practice in Common Law Countries and in Russia: A Comparative Legal Study: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 219 p. (In Russ.).

5. Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V. *Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya ucheniya o sostave prestupleniya v zarubezhnom ugovnom prave* [History of Evolution of the Doctrine of the Component Elements of a Crime in Criminal Law in Foreign Countries]. *Obshchestvo i pravo* □ *Society and Law*. 2019. Issue 3 (69). Pp. 37–44. (In Russ.).

6. Golovin A. Yu., Bugaevskaya N. V. *Strukturnye elementy sostava prestupleniya i ikh znachenie dlya kvalifikatsii i preduprezhdeniya prestupleniy korruptsionnoy napravlenosti* [Structural Elements of the Corpus Delicti and Their Significance for the Qualification and Prevention of Corruption Crimes]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* □ *Criminology Journal of Baikal*

National University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. Issue 2. Pp. 257–264. DOI: [10.17150/1996-7756.2015.9\(2\).257-264](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2).257-264). (In Russ.).

7. Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy respubliki Germaniya – Strafgeetzbuch (StGB)* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB)]: scientific and practical commentary and translation of the text of law. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 p. (In Russ.).

8. Zhalinskiy A. E. *Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, 2006. 560 p. (In Russ.).

9. *Kalyam Sharif. Perevod smyslov* [Kalyam Sharif. Translation of Meanings]. Kazan, 2020. 652 p. (In Russ.).

10. Kibal'nik A. *Prestupnoe deyanie v doktrine ugovnogo prava i sudebnoy praktike Anglii* [Criminal Act in the Doctrine of Criminal Law and Juridical Practice of England]. *Ugovnoe pravo* □ *Criminal Law*. 2006. Issue 2. Pp. 36–40. (In Russ.).

11. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow, 2010. 520 p. (In Russ.).

12. Kravtsov R. V. *Prestupnoe deyanie v ugovnom prave Rossii, FRG, Niderlandov: sravnitel'nyy aspekt* [A Criminal Act in Criminal Law of Russia, Germany, the Netherlands: Comparative Aspect]. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik* □ *Siberian Law Herald*. 2007. Issue 3 (38). Pp. 38–45. (In Russ.).

13. Kuznetsova N. F. *Voprosy obshchey chasti ugovnogo prava Germanskoy Demokraticheskoy Respubliki* [General Criminal Law Issues of the German Democratic Republic]. Moscow, 1957. 44 p. (In Russ.).

14. Kuznetsova N. F., Hueilin Ts. *Teoriya o sostave prestupleniya v Kitae i Rossii* [Theory of Corpus Delicti in China and Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* □ *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2009. Issue 6. Pp. 62 – 74. (In Russ.).

15. Loon C. *Sostav prestupleniya v ugovno-pravovoy doktrine Kitaya* [Elements of a Crime in the Criminal Law Doctrine of China]. *Lex Russica*. 2016. Issue 9 (118). Pp. 129–135. (In Russ.).

16. Malinovskiy A. A. *Yuridicheskaya tekhnika v zarubezhnykh pravovykh sem'yakh (vzglyad komparativista)* [Legal Technique in Foreign Legal Families (A Comparative View)]. *Yuridicheskaya tekhnika* □ *Juridical Techniques*. 2016. Issue 10. Pp. 179–190. (In Russ.).

17. Morozov N. A. *Prestupnost' v sovremennoy Yaponii: Problemy kriminologicheskoy i ugovno-pravovoy politiki* [Crime in Contemporary Japan: Breakdowns in Criminological and Criminal Law Policy: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 430 p. (In Russ.).

18. Nikitenko I. V. *Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti v ugovnom zakonodatel'stve Izrailiya* [Crimes against Sexual Integrity and Sexual Freedom of the Individual in the Criminal Legislation of Israel]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* □ *Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. Issue 3 (60). Pp. 22–29. (In Russ.).

System in England]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* □ *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020. Issue 4 (49). Pp. 96–103. (In Russ.).

24. Soloveva E. A. *Istoricheskaya smena nauchnykh paradigmat i sostav prestupleniya* [Historical Change of Scientific Paradigms and the Composition of the Offence]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* – Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law. 2025. Issue 15 (1). Pp. 112–121. DOI: [10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121](https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121). (In Russ.).

25. Syukiyaynen L. R. *Musul'manskoe ugovnoe pravo: teoreticheskie osnovy i sovremennaya praktika* [Muslim Criminal Law: Theoretical Foundations and Current Practice]. *Sovremennoe ugovnoe pravo i kriminologiya* [Modern Criminal Law and Criminology]: Collection of Scientific Papers. Series: Jurisprudence. Moscow, 2007. Pp. 80–106. (In Russ.).

26. Todriya G. G. *Nekotorye logicheskie problemy sistemy ugovnogo prava Gruzii* [Some Logical Problems of the System of Georgian Criminal Law]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (seriya «Yuridicheskie nauki»)* □ *Bulletin of Kostroma State Technological University. State and Law: Theory and Practice (Series 'Juridical Sciences')*. 2016. Issue 1(6). Pp. 89–94. (In Russ.).

27. Traynin A. I. *Sostav prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu* [The Elements of a Crime Under Soviet Criminal Law]. Moscow, 1957. 362 p. (In Russ.).

28. *Ugovnoe pravo Kazakhstana i Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Kazakhstan and Russia. General Part]. Ed. by R. M. Abdrashev, S. V. Malikov, A. I. Chuchayev. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.).

29. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'*. *Prestuplenie* [Criminal Law. General Part. Crime]: in 10 vols. Vol. V. *Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Concept of Crime. Elements of Crime]. Moscow, 2016. 600 p. (In Russ.).

30. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Corpus Delicti in Criminal Law of Russia and China: A Comparative Legal Study]. Ed. by V. S. Komissarov, A. I. Korobeev, H. Binsun. St. Petersburg, 2009. 549 p. (In Russ.).

31. Frister H. *Ugovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast' = Strafrecht. Allgemeiner Teil* [German Criminal Law. General Part = Strafrecht. Allgemeiner Teil]. Transl. from Germ. 5th ed. Moscow, 2013. 712 p. (In Russ.).

32. Schubert L. *Ob obshchestvennoy opasnosti prestupnogo deyaniya* [On the Social Danger of a Criminal Act]. Moscow, 1960. 238 p. (In Russ.).

33. *Criminal Law*. The Open University of Hong Kong, 2012. 538 p. Available at: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>. (In Eng.).

34. *Black H. C. Blacks's Law Dictionary*. West Publishing Company, 1968. 1882 p. (In Eng.).

35. *Herring J. Criminal Law*. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2002. 485 p. (In Eng.).

36. *Legal Developments during 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer, 2021. 315 p. DOI: [10.1007/978-3-030-54783-7](https://doi.org/10.1007/978-3-030-54783-7). (In Eng.).

37. *Rwelamira M. R. Murder without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence*. *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. Issue 2. Pp. 132–139. (In Eng.).

38. *Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime*. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. Pp. 2476–2483. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-319-19650-3.pdf>. (In Eng.).

39. *Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti*. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. Issue 1. Pp.118–130. (In Eng.).

References in Russian

1. *Аль-Баити М. А. А. Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому праву* // *Исламоведение*. 2012. № 2 (12). С. 83–90.

2. *Аль-Баити М. А. А. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: дис. ... канд. юрид. наук*. Екатеринбург, 2019. 175 с.

3. *Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник*. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.

4. *Борисов Г. А. Доктринальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2024. 219 с.

5. *Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве* // *Общество и право*. 2019. № 3 (69). С. 37 – 44.

6. *Головин А. Ю., Бугаевская Н. В. Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности* // *Криминалистический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9, № 2. С. 257–264. DOI: [10.17150/1996-7756.2015.9\(2\).257–264](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2).257-264).

7. *Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной республики Германия – Strafgeetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона*. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.

8. *Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право*. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. 560 с.

9. *Калям Шариф. Перевод смыслов*. Казань: Хузур – Спокойствие, 2020. 652 с.

10. *Кибальник А. Преступное деяние в доктрине уголовного права и судебной практике Англии* // *Уголовное право*. 2006. № 2. С. 36–40.

11. *Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права*. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 520 с.

12. *Кравцов Р. В. Преступное деяние в уголовном праве России, ФРГ, Нидерландов: сравнительный аспект* // *Сибирский юридический вестник*. 2007. № 3 (38). С. 38–45.

19. Nikiforov Yu. A., Shapovalov V. L. *Rossiya i sovremennuyu mir* [Russia and the Modern World]. Moscow, 2018. 124 p. (In Russ.).
20. Polyanskiy E. Yu. *Teoriya sostava prestupleniya v ugovolnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki* [The Theory of Corpus Delicti in Criminal Law of the USA: Key Positions and Main Shortcomings]. *Lex Russica*. 2013. Vol. 95. Issue 11. Pp. 1991–1204. (In Russ.).
21. Poláček F. *Sostav prestupleniya po chekhoslovatskomu ugovolnomu pravu* [The Elements of a Crime under Czechoslovak Criminal Law]. Moscow, 1960. 318 p. (In Russ.).
22. Roloff A. «*Pokhishchenie cheloveka*» (§ 234 UU FRG) i «*ugon cheloveka*» (§ 234a UU FRG) [Crimes against Personal Liberty (§ 234 and § 234a StGB)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* □ Union of Criminalists and Criminologists. 2020. Issue 1. Pp. 123–127. (In Russ.).
23. Sizova V. N. *Evolutsiya sistemy ugovolnogo zakonodatel'stva Anglii* [Evolution of the Criminal Law System in England]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* □ Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy. 2020. Issue 4 (49). Pp. 96–103. (In Russ.).
24. Soloveva E. A. *Istoricheskaya smena nauchnykh paradig i sostav prestupleniya* [Historical Change of Scientific Paradigms and the Composition of the Offence]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* – Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law. 2025. Issue 15 (1). Pp. 112–121. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121. (In Russ.).
25. Syukiyaynen L. R. *Musul'manskoe ugovolnoe pravo: teoreticheskie osnovy i sovremennaya praktika* [Muslim Criminal Law: Theoretical Foundations and Current Practice]. *Sovremennoe ugovolnoe pravo i kriminologiya* [Modern Criminal Law and Criminology]: Collection of Scientific Papers. Series: Jurisprudence. Moscow, 2007. Pp. 80–106. (In Russ.).
26. Todriya G. G. *Nekotorye logicheskie problemy sistemy ugovolnogo prava Gruzii* [Some Logical Problems of the System of Georgian Criminal Law]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (seriya «Yuridicheskie nauki»)* □ Bulletin of Kostroma State Technological University. State and Law: Theory and Practice (Series 'Juridical Sciences'). 2016. Issue 1(6). Pp. 89–94. (In Russ.).
27. Traynin A. I. *Sostav prestupleniya po sovetскому ugovolnomu pravu* [The Elements of a Crime Under Soviet Criminal Law]. Moscow, 1957. 362 p. (In Russ.).
28. *Ugolovnoe pravo Kazakhstana i Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Kazakhstan and Russia. General Part]. Ed. by R. M. Abdrashev, S. V. Malikov, A. I. Chuchayev. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.).
29. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie* [Criminal Law. General Part. Crime]: in 10 vols. Vol. V. *Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Concept of Crime. Elements of Crime]. Moscow, 2016. 600 p. (In Russ.).
30. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovolnom prave Rossii i Kitaya. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Corpus Delicti in Criminal Law of Russia and China: A Comparative Legal Study]. Ed. by V. S. Komissarov, A. I. Korobeev, H. Binsun. St. Petersburg, 2009. 549 p. (In Russ.).
31. Frister H. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast' = Strafrecht. Allgemeiner Teil* [German Criminal Law. General Part = Strafrecht. Allgemeiner Teil]. Transl. from Germ. 5th ed. Moscow, 2013. 712 p. (In Russ.).
32. Schubert L. *Ob obshchestvennoy opasnosti prestupnogo deyaniya* [On the Social Danger of a Criminal Act]. Moscow, 1960. 238 p. (In Russ.).
33. *Criminal Law*. The Open University of Hong Kong, 2012. 538 p. Available at: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>. (In Eng.).
34. Black H. C. *Blacks's Law Dictionary*. West Publishing Company, 1968. 1882 p. (In Eng.).
35. Herring J. *Criminal Law*. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2002. 485 p. (In Eng.).
36. *Legal Developments during 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer, 2021. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-030-54783-7. (In Eng.).
37. Rwelamira M. R. Murder without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence. *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. Issue 2. Pp. 132–139. (In Eng.).
38. Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. Pp. 2476–2483. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-319-19650-3.pdf>. (In Eng.).
39. Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. Issue 1. Pp. 118–130. (In Eng.).

Информация об авторе:**Е. А. Соловьева**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и прокурорского надзора
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022

About the author:**E. A. Soloveva**

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022

13. Кузнецова Н. Ф. Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики. М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1957. 44 с.
14. Кузнецова Н. Ф., Хуэйлинь Ц. Теория о составе преступления в Китае и России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 62–74.
15. Лун Ч. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 129–135.
16. Малиновский А. А. Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 179–190.
17. Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: Проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 430 с.
18. Никитенко И. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве Израиля // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3 (60). С. 22–29.
19. Никифоров Ю. А., Шаповалов В. Л. Россия и современный мир: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2018. 124 с.
20. Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex Russica. 2013. Т. 95, № 11. С. 1991–1204.
21. Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. 318 с.
22. Роллоф А. «Похищение человека» (§ 234 УУ ФРГ) и «угон человека» (§ 234а УУ ФРГ) // Союз криминологов и криминологов. 2020. № 1. С. 123–127.
23. Сизова В. Н. Эволюция системы уголовного законодательства Англии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 96–103.
24. Соловьева Е. А. Историческая смена научных парадигм и состав преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 112–121. DOI: doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121.
25. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение / Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения. ИГП РАН, Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. М., 2007. С. 80–106.
26. Тодрия Г. Г. Некоторые логические проблемы системы уголовного права Грузии // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (серия «Юридические науки»). 2016. № 1 (6). С. 89–94.
27. Трайнин А. И. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1957. 362 с.
28. Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева. М.: Городец, 2022. 528 с.
29. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.
30. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. Сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2009. 549 с.
31. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфортропик Медиа, 2013. 712 с.
32. Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1960. 238 с.
33. Crime Law. Open University of Hong Kong. 2012. 538 p. URL: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>.
34. Black H. C. *Blacks's Law Dictionary*. West Publishing Company. 1968. 1882 p.
35. Herring J. *Criminal Law*. Third edition. Palgrave Macmillan. 2002. 485 p.
36. *Legal Developments During 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer. 2021. 315 p. DOI: doi.org/10.1007/978-3-030-54783-7.
37. Rwelamira M. R. Murder Without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence // *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. № 2. Pp. 132–139.
38. Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. 8604 p.
39. Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti // *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. № 1. Pp. 118–130.

About the author:**E. A. Soloveva**

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022

Информация об авторе:**Е. А. Соловьева**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и прокурорского надзора
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022